

Д. Кзырофанов

Б
ВИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ
И.И.

С (Калм) 2
К 88

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Инбер, В. О. Перцов,

А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский.

А. Т. Твардовский

ДАВИД
КУТУЛЬТИНОВ

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

О СЕБЕ

Года четыре тому назад, почти через двадцать лет, я вновь приехал в свой родной хотон — калмыцкое селение. За эти годы он передвинулся километров на пять влево, а его прежнее место было запахано под хлеб. Но все же меня неодолимо потянуло именно в ту точку, где я родился, словно я позабыл там что-то очень важное. Я взял с собой старика Андрэ — моего дядю. Как из далекого сна возникали знакомые ложбины и холмы, но странно — все было поразительно меньше размерами, чем сохранилось в моей памяти. Будто я смотрел на все в перевернутый бинокль. Огромный курган был всего лишь неболь-

шим бугорком, величиной с горб верблюда, а гора, с вершины которой, как казалось в детстве, можно было доставать звезды с неба, была лишь махоньким пригорком. Дядя показал мне едва заметную, обросшую травой насыпь — след нашего дома. Она была сплошь изрыта мелкими норками полевых мышей. Мы подошли ближе. Тут, на бурых колючих стеблях полыни, я увидел повисшую сухую шкурку змеи, а чуть выше, на насыпи, — хозяйку этого платья, большую степную гадюку. Она угрожающе подняла голову, высунула острый, блестящий темно-коричневый язычок и зашипела. Я быстро схватил валявшийся под ногами, почерневший от времени обломок черепицы и замахнулся, но кинуть не успел — дядя Андрэ торопливо и, как мне показалось, испуганно отвел мою руку в сторону.

— Зачем? — укоризненно покачал он головой. — Такая хорошая примета!

— Чем же она хороша? — изумленно спросил я.

— Да ведь это не какая-нибудь лягушка, а могучая гадюка стережет место твоего рождения, охраняя твой кишиг, твоё счастье, которое началось вот отсюда! Здесь ты впервые приподнял свои веки и увидел небо и солнце, землю и людей, а это и есть начало человеческого счастья,— философски заметил дядя.

— Дядя Андрэ, ведь вы знаете, какое у меня счастье,— с усмешкой ответил я ему.

— Знаю, знаю,— сказал Андрэ, взглянув на меня.— Ты воевал за правду, был на остриях миллионов крепких пик, горел в огне войны, а видишь, остался жив. Разве это не есть счастье? Мужички не хуже тебя погибли. Ты много лет был в тюрьме. Старички говорят: «Пусть лучше жизнь умрет, чем имя». Разве сохранить свою честь, пройдя через столь трудные испытания, не есть счастье? — несколько торжественно воскликнул мой дядя и повел меня в сторону холмика, метрах в двухстах от нас.

— Это — могилка твоей тети, которой ты не видел, она умерла за несколько дней до твоего рождения.

Я безразлично глядел на осевший, почти сровнявшийся с землею холмик. Это задело и рассердило дядю.

— Ты послушай, что я тебе скажу, — наставительно продолжал он. — Был голодный год. Дед твой всей многочисленной семье нарезал равными долями по тоненькому ломтю хлеба. Ты был тогда еще в материнской утробе. Твоя тетя знала, что скоро умрет. Она не ела свою долю, а, по праву старшей, заставляла есть твою маму. Мама отказывалась, но та ей приказывала: «Я не тебе даю, а тому, кто в тебе... Что пользы от того, что я лишний месяц проживу? Зато пусть он живет сто лет, за месяц, недожитый мною. Бери!» — говорила тетя. А теперь подумай: если бы тогда твоя мама не получала лишний кусок хлеба, — может, и тебя не было бы на свете?

Рассказ дяди взволновал меня. Так, оказывается, еще не родившись, я впервые

принял помощь человеческую, жертву во имя того, чтобы я жил и видел свет.

Я родился в 1922 году, в семье сельского учителя. Помню, жили мы при школе. С шести лет, вместе с учениками первого класса, с которыми играл во время перемен, я стал ходить на занятия. Так, «вольнослушателем», научился читать и писать. С семи лет уже по-настоящему был зачислен в школу. Любил читать. Первой книжкой, которую прочитал самостоятельно и которая на всю жизнь пробудила во мне огромное любопытство ко всему напечатанному, был рассказ «Нелло и Патраш».

У калмыков очень богатый фольклор. Среди тысяч наших сказок самым знаменитым был и остается великий эпос «Джангер». Я любил слушать и рассказывать ребятам о богатырях и волшебниках. Обычно мы уходили в степь, находили укрытие от ветра и просиживали до вечера, слушая чудесные легенды о фантастических странах, созданных народным воображением. Тот, кто знал фольклор, пользо-

вался почетом и уважением не только среди детей, но и среди взрослых. Бывало, в длинные зимние вечера почтенные дяди, одобрительно кивая, внимательно слушали мои выдумки о подвигах степных богатырей. В знак благодарности угощали меня сладостями.

Не помню, когда я начал писать стихи, но первое стихотворение напечатал двенадцати лет в многотиражке политотдела совхоза № 107. Стихотворение имело длинное название «Успешно проведем отелочную кампанию». В нем я определял политические задачи и давал практические указания. Но каким бы ни было это стихотворение, оно, напечатанное в газете, давало мне повод считать себя поэтом. Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день длиннющие поэмы о чем угодно.

Крушение моих иллюзий началось года через два, после того как я переехал учиться в Элисту — столицу нашей республики. При образцовой средней школе № 1 (тогда были образцовые школы) был

литературный кружок. Разумеется, я сразу записался туда. И тут в смятении начал догадываться о том, что стихи мои далеко еще не стихи. Руководителем нашего кружка был преподаватель русского языка и литературы, человек с большим вкусом.

В ту пору, когда мне было четырнадцать лет, посчастливилось мне познакомиться с двумя замечательными людьми, которым благодарен я до сегодняшнего дня. Это были талантливейший калмыцкий писатель Баатр Басангов и известный переводчик «Джангра», чудесный русский поэт Семен Липкин. Они-то и показали мне труднейшую дорогу, по которой нужно было идти, сбивая в кровь ноги, в изумительную страну, называющуюся Поэзией.

Учеником 10 класса я сдал в издательство первую книжку под названием «Стихи юности». В свет она вышла в 1940 году. В том же году я был принят в члены Союза писателей СССР.

Со второго курса пединститута меня призвали в армию. Помню 22 июня 1941

года. Наш полк находился на боевых учениях. Мы видели, как на взмыленном коне примчался связной и вручил какой-то пакет командиру полка. Сыграли боевую тревогу, и отбоя не было до 9 мая 1945 года. Война оказалась совсем не такой, какой представлялась мне. Здесь я по-настоящему понял, что такое страдания, и ощутил радость победы, которая, может быть, ни с чем не сравнима. Обо всем этом я написал множество стихов в перерывах между боями.

В 1943 году вступил в члены КПСС. Был офицером-политработником, работал в дивизионной газете. На фронте пришлось испытать все, что доводится испытывать солдату. Но худшие испытания были еще впереди.

В 1945 году я был арестован за стихи, в которых осуждал несправедливость по отношению к моему народу, учиненную в годы культа личности Сталина.

В 1956 году, после XX съезда КПСС, я был реабилитирован и восстановлен в партии. Как бы трудно ни приходилось в жиз-

ни, я никогда не терял святую веру в торжество дела Ленина и нашей Коммунистической партии. Эта вера дала мне силу перенести тягчайшие испытания жизни.

За последние годы я издал более десятка книг на калмыцком и русском языках. В Москве вышли сборники «Глазами сердца», «Заслужить бы друга любовь», «Равные солнцу» и сказки, написанные мною на русском языке, «Бамба и красавица Булгун».

Окончил Литературный институт им. Горького, Высшие литературные курсы. Затем аспирантуру.

Я видел жизнь и людей, радости и горести. Накопилось много замыслов, которые, в силу своих возможностей, надеюсь воплотить в будущих произведениях.

Давид Кугультинов

СТІХОТВОРЕННЯ

ЖИЗНЬ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

1963—1964

Метель беснуется.. Беда.. беда!
И под ее иенстовые стоны
Я думаю о степи заметной,
О них, друзьях, пасущих там стада...
Моих друзей буран в степи застиг,
Прошу вас, люди, думайте о них!

Ведь если думать, думать всем вдали
О тех, кто в снеговой пучине тонет,—
Их наши мысли, говорят, догонят,
Поддержат их хоть на краю земли,
Помогут одолеть тот путь, ту малость,
Что до спасенья им еще осталась...

Л. С. Соболеву

Дайте, дайте первую удачу!
Пусть в себя поверит человек!
Пусть в приливе радости горячей
Ощутит себя потомком всех,
Кто творил, кто сделал мир богаче...
Дайте, дайте первую удачу!..

Дайте, дайте первую удачу!..
Чтобы, гордость юную не пряча,
Человек, как молодой орел,
Прянул в небо и себя обрел,
Путь свой во вселенной обознача!..
Дайте, дайте первую удачу!

Разъяренного ветра порыв
Наземь тополь повергнул зеленый,
И лежит он, печален, красив,
Чуть шурша густолиственной кроной,—
Он, даривший прохладой нас
В раскаленный полуденный час.

Заглянул я к нему в сердцевину
И в смущении понял причину:
Дочернá выжигал его зной
В час, когда над тобой, надо мной
Простирал он заботливо руки...
Как жестоки мы!.. Как близоруки!..

Мать-Родина!.. Так люди называли
Ее издревле... Вправду,— не она ли
Нам жизнь дала, и силы в нас влила.
И за руку взяла и повела?..
Она щедра по-матерински,— знаю...
Но Родина — она и дочь родная.

Все лучшее — и труд и вдохновенье —
Самозабвенно отдаем мы ей,
Как только детям отдают — продленью
Быстротекущих, кратких наших дней...
Здесь все мое!.. Бери его, упрочь,
О Родина моя!.. О мать и дочь!

«Вам все простится, кроме превосходства
Ума... Так прячьте разум!..» — произнес
Философ, хоть с улыбкой, но всерьез...
О, этой мысли горькое уродство!..
Нет, сделав скидку на судьбу и время,
Я все же возмущен словами теми!..

Как?! Прятать ум, которым жизнь
крепка?!

Да разве не уму я благодарен
За то, что в космос поднялся Гагарин,
Что в нашем небе ходят облака,
А не виденья стран, сожженных разом?..
Нет, люди, нет!.. Не смейте прятать
разум!

Г. Р. Каримовой

В моем шкафу теснится к тому том.
И каждый том на полке — словно дом.

Обложку-дверь откроешь второпях,—
И ты вошел, и ты — уже в гостях...
Как переулок — каждый книжный ряд.
А весь мой шкаф — чудесный Книгоград.

Когда ты будешь в этот город вхож,—
Из Прошлого в Грядущее пройдешь,
Заглянешь в страны и во времена:
Любая книга — время и страна...

Здесь, в комнате моей, из года в год
Все Человечество в ладу живет.

* * *

Так пишут иные о смерти поэта:
«Ушел он... А песня его недопета».
Да это ж неправда!.. Ну, как объяснить
им?!

Когда недопетое слышат наитьем,
Так, значит, стихи завершились в начале,
Чтоб вы их в душе продолжали, кончали...

«Ушел, не докончив...» Да разве он
вправе?!

Ушел, потому что вложил, переплавя,
Все клеточки сердца в иную основу...
Ушел, потому что сказал свое слово.
...А если себя он не высказал в этом,
Тогда понапрасну он звался поэтом.

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик — жаворонка трелн!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму!
Что человек я, и душе все чаще
Доступна радость красоты щемящей..
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедра!.. Как хороша!..

Похвалите меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Что могла б мне пойти во вред,
Где, как лист ядовитый в почке,
Затаился источник бед...
Похвалите меня, друзья!..

Попрекните меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Ни одной, что могла б дойти
До избыбшего одиночки,
Обогреть его на пути...
Попрекните меня, друзья!

Города, селенья, страны в нашей памяти
ясны
Лишь тогда, когда делами их прославили
сыны.
И должно быть, каждый город, если он не
знаменит,
Страстно ждет того, который смысл
названья обновит
И вдохнет в глухие звуки часть живой
своей души...
Просит город: «Долгожданный!.. О, явись!
О, поспеши!»

Бейте, люди, пестрых волков!
В дни, когда опустели хотоны,
О хозяевах иступленно
Выли псы калмыцкой земли,
Одичали, в степи ушли...

Бейте, люди, пестрых волков!

Не боятся огня и слова
И не терпят духа людского
Почитавшие нас, как богов,
Твари, одичавшие снова,
Порожденья времени злого...

Бейте, люди, пестрых волков!

Что жизнь покажет, открывая двери,—
Запомнить все, все до конца понять;
Что человек расскажет в час доверья,
Все до последнего словца понять,—
Не это ль к счастью ключ, мой юный друг?
Бери его!.. Не выпускай из рук!

Но, чтобы к счастью отыскать пути,
Еще премудрость нужно превзойти:
Что не рассказано,— подслушай сам,
Что не показано,— яви глазам!
Для этой цели

 слух души своей
Любовью к людям наострить сумеи!

Одолевая труд высокий
Всем напряженьем слабых сил,
Сегодня пушкинские строки
Я, осмелев, переводил.
Я погружался с головою
В кипенье лавы огневое,
В кристально свежую струю...
Гигант мне задавал загадки
И рифму бедную мою
Клал то и дело на лопатки...
Но все ж я ощущал сквозь труд,
Как мыслей мускулы растут.

Не как теленку-сосунку — тугие
Сосцы, где молока густого много,
Не так, как зверю — теплая берлога,—
Иначе ты мне дорога, Россия!..
Люблю любовью строгой и глубинной
Твой образ многоликий и единый.

В моей любви — надежда и тревога
Тех, кто ушел и кто живет на свете,
В ней музыка, и свет, и ход столетий...
Ей озаряется моя дорога —
И прошлое, и день, что будет прожит...
И победить ее ничто не может!

Проходят дни, зовут меня вперед,
А сами остаются за спиной,
Как будто умирают там, за мной...
Хоть каждый день минувший, каждый
год
В сегодняшнем отобразился дне,—
Но прошлое уж неподвластно мне.

Дни умирают позади меня,
Рождая чувство завтрашнего дня,
Которым я наполнен до краев
(Не в нем ли смысл и радость бытия?).
То «завтра», над которым властен я,
То чувство, без которого я мертв.

Когда давно желанные слова
Спешат ко мне,— окликну их едва;
Когда, в мой труд сегодня проникая,
Отчетлив облик завтрашнего дня
И кажется, что вся судьба людская
Сейчас зависит только от меня,—

Событья обнажаются до корня,
Все тени исчезают на лету,
Все лица излучают доброту,
И все сердца становятся просторней,—
Тогда я нужен людям... И рука
Спешит за мыслью... И душа легка.

Я верю: клетки сердца не умрут,—
Все клетки сердца воплотятся в труд.
И в каждом камне, что положит зодчий,
И в той строке, что правдой рождена,—
Частица сердца — ну, хотя б одна! —
Пульсирует, тепло сосредоточа.

У всех, кто труд свой полюбить сумел,
По капле, понемногу, по крупнице
В дела земные сердце воплотится,
Останется в живом бессмертье дел...
Лишь у лентяя сердце, черным комом
Упав, истлеет, станет невесомым.

Как бывала радость горяча,
Если на открытую ладошку
Звездочки садилась, щекочал..
Языком слизнешь их понемножку,—
Вкусен в детстве раннем первый снег.
Пахнет ожиданьем первый снег.

А сегодня глянул сквозь стекло:
Что ж это? Кругом белым-белом
Седина ветвей над крышей белой...
Да когда ж все побелеть успело?
Стал напоминаньем первый снег.
Пахнет расставаньем первый снег.

Перешагнув жестокости предел,
Решил Чингис украсить общий жребий:
Он улыбаться подданным велел
Весь день, пока сияет солнце в небе.
А кто дерзнет на жалобы и плач,
Тому отрубит голову палач.

И улыбался весь Чингисов край,
И деспот убеждал молву мирскую,
Что создал в ханстве образцовый рай...
А люди ждали сумерек, тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву
И в одиночку выплакаться упасть влать.

Когда на юге в день апреля
Ты родилась, дитя весны,—
Листва шумела, птицы пели,
И щедро солнце с вышины
Тебя лучами согревало,
И ты лучи в себя вбирала...

И все сокровище тепла
На Севере, в стране суровой,
Моей любви ты отдала,
Любви, оконечь готовой...
Ее дыханьем отогрела
И в счастье превратила смело.

* * *

А.

Как раз в те дни, когда струистый дым
похвал

Приятной теплотой мне нервы щекотал
И я, прикрыв глаза, впивал блаженство
это,—

Тебя прислала жизнь... И ты была ясна,
Обыденна была, как холодок рассвета,
Прервавший сладкий бред обманчивого сна.

Ты обожгла меня своей слезой живой...
По нервам пробежал негромкий возглас
твой:
«Опомнись! Ты взялся за Дело для того
ли?!»

И вдруг очнулся я, я сбросил забытье
Под взглядом глаз твоих, трепещущих от
боли...

О Добрая! Прости забвение мое!

«Люблю его!» — она сказала вслух.
И в ужасе собрание онемело.
«Он враг народа», — буркнул бывший
друг
И тотчас взгляд потупил оробелый.
Так прост и дерзок был ее ответ:
«И все-таки его честнее нет!»

И трудно было сердцу и уму:
Давалась ей, как Галилею, смелость.
Она любила вопреки всему,
Как вопреки всему земля вертелась...
Я был на днях у пожилой четы.
Как старые большевики чисты!

* * *

В Норильске, где холод и выюга,
В снегах заполярной земли,
Красавицы нежные юга
На тонких стеблях расцвели,—
И вешнее чудо все длится
В Норильске, в стеклянной теплице...

Устав от работы недельной,
Норильцы в свой Крым самодельный
Приходят и дышат весною...
Особо она дорога,
Когда за прозрачной стеною
Беснуется, свищет пурга.

* * *

По мотивам фольклора

Неделю средь песков блуждая
даром,
Завидел антилопу мощный Лев.
Настиг ее, убил одним ударом...
И, вдоволь мяса свежего поев,
Взревел во всю пустыню гордый
зверь:
«Кто в силах победить меня теперь?!»

Охотясь тщетно два ли три денька,
Лисица увидала зайца в поле.

Его загрызла, логоняв слегка...
Когда ж зайчатины наелась вволю,
Запричитала жалобно она:
«Опять я скоро буду голодна!»

* * *

Кайсыну Кулиев

По мотивам фольклора

Приснились джунгли нынче мне во сне.
Кругом визжала обезьянья стая...
Раздобрясь, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхий, при случае — петляя...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав,

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне —
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав,

Прошу, друзья, не истолкуйте вкось,
Что высказать сейчас себе позволю:
Немало книг встречать мне довелось,
Где воспевали руки и мозоли.
Я, право, их читал во все глаза.
Друзья мои, я всей душою — «за»!..

Рука умельца, красота труда
Поэзии достойны настоящей.
Но, думается, в наши дни, когда
О космосе мы говорим все чаще,
Руки рабочей воспевая чудо,
И голову бы вспоминать не худо!..

Кто хочет обойтись в работе
Без всякой помощи людской,
Тот ошибается в расчете.
Увы, с гордынею такой
Уйти удастся недалеко...
В таком тщеславье мало прока...

Но есть в числе моих знакомых
Тот, кто свершает большой промах.
Кричит он, лишь себя ценя:
«Не обойтись им без меня!»
А сам — товарищам помеха...
Нет, не видать ему успеха!

Если вновь заведешь ты рассказ
Про заслуги твои боевые,
Буду слушать тебя, как впервые. .
Хоть встречал я все это не раз
В изложениях новых и старых,
Да и в личных твоих мемуарах...

Знаю, ты не причастен ко лжи.
Ты правдив... Но правдив до конца
ли?..

О других, о друзьях расскажи...
Разве плохо они воевали?..
До конца ли ты честен и прав,
Полной правды о них не сказав?..

Когда свершивший славные дела
Не награжден,— в накладе он едва ли:
Молва о нем по-прежнему светла,
Дела его цены не потеряли;
Зато теряет уваженье тот,
Кто не воздал достойному почет.

Когда ж хитрец, бесславный до сих пор,
Наградой завладел путем обмана,—
Почетнее не стал он. Как ни странно.
Он только приумножил свой позор.
Всего же больше опозорен тот,
Кто хитрецам награды раздает.

* * *

Три вида сплетников известны мне
На всей земле. И в нашей стороне.
Родивший сплетню. Подхвативший
сплетню.

И, наконец, тот самый индивид,
Кто сделать жесткий вывод норовит
Из каждой сплетни... Этот вид
последний —

Для сплетни плодородный чернозем,
Ее расцвет, ее опора в нем...
И если где-нибудь до руководства —
Не ровен час! — подобный тип дорвется,—
Его гоните, не жалея сил,
Покамест он еще не навредил!

У стариков калмыков есть проклятье:
«Да станешь ты глупей, чем все собратья!
Когда же ты во всех хотонах шумно
Прославишься, как редкостный дурак,—
Да прогневит тебя совет разумный!..
Пусть будет так!.. Пусть будет только
так!»

«От слов правдивых, сказанных пред
всеми,
Да отречется твой поганый рот,
Их повернув как раз наоборот!» —
Желал калмык врагу в былое время...
«Так да не будет!» — скажем мы сейчас.
Такое да минует нас и вас!..

Все не пойму — хитрец ты или нет?..
Вокруг меня шныряешь для чего ты?
А знаешь, сколько мне сегодня лет?..
Да тысяча... по скромному подсчету.
Из них немногим больше десяти
На Севере пришлось мне провести.

И все ж свершилось правды торжество.
Тысячелетье за ее основы
Я погибал и возрождался снова .
С народом вместе... Десять лет всего —
Что по сравненью с тысячей?! Пустяки!
...Ну, разобрался, если... не дурак?

«Да», «нет» — два этих слова-острия
Решают все задачи бытия.
Но, юноша, избравший смелый путь,
О слове «нет» немедля позабуди!
Сам пред собой не громозди преград!
Да, только да!.. Вперед, а не назад!

Да, только да!.. Рывком — через порог!
Да, только да!.. С отрога на отрог,
С вершины на вершину устремись!
Да, только да! — по горным тропам —
ввысь!..
Кто честным помыслам ответил «да!» —
Не знает поражений никогда!

Прсят друзья: «Скажи нам йорел!¹»
Горько и радостно в сердце моем.
Видно, таков уж у нас удел:
Горе и радость живут вдвоем.
В нашей истории благо со злом
Связаны крепким калмыцким узлом!

Древний йорел — пожеланье добра —
Произношу, как мой дед вчера:
«Да восклубится у ваших дверей
Светлая пыль из-под ног гостей!
Да преградит вам стеной лебеда
Тягостный путь до дверей суда!»

¹ Й о р е л — благопожелание.

Пока не кончена строка,
Пока не дописал, пока
Метафоры издалика
Еще ведет моя рука,
Пока не завершен мой стих,—
Владыка я стихов моих.

Но завершился он, и вот
Своей судьбою он живет.
В сердца закинет сеть и ждет...
Сто радостей иль сто невзгод —
Что принесет он мне домой?!
Теперь мой стих — владыка мой.

Жизни Сурово душу проверяя,
Как меня не устрашала ты!
Обстреляла на переднем крае,
Опоила ядом клеветы...
Долго не сменяла гнев на милость,
Но, что человек я, убедилась...

Слово с честным Делом сочетал я.
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

ВСЕ ГОДЫ

ДЕВУШКА-ДЖАНГРЧИ

Много лет тому назад
Та, что не была женой,
Спела «Джангр», говорят,
В нашей стороне степной.

Где вечер красной поволокою
Повил сгущавшуюся тьму,
Предстала девушка далекая
Воображенью моему.

Не звездный свет, а теплый, жизненный
Мерцал в глазах ее. Она
Цвела красой безукоризненной,
Была на диво сложена.

В сапожки красные обуван,
Взяла домбру. И в тишине
Услышал песню в ту минуту я,
Что сквозь века неслась ко мне.

В доспехах времени походного,
Как будто пред лицом зари,
Собрались Джангра благородного
Пред девушкой богатыри.

Стоявшие в кольчугах кованых,
С красавицы степной они
Глаз не сводили очарованных,
Как будто бы с Рагни-Дагни¹.

И отражалась в их наружности
Суровость воинской страды:
Был ими недруг бит в окружности
Примерно годовой езды.

И пела девушка умеючи
О них, что в седлах рождены.

¹ Рагни - Дагни — сказочная красавица.

И войны той песней девичьей
Впервые были пленены.

И удивлялись смуглоликие:
«Да неужели это мы?»
Вблизи качали ветры дикие
Ковыль, взбегавший на холмы.

Припомнив радости и горести,
Им пела девушка о том,
Что пятен нет у них на совести,
А души чищены огнем.

И чувство, схожее с нантнем,
Явилось к сыновьям степей.
И песня стала вдруг открытием:
Они себя poznали в ней.

1940

МОЙ ЗНАКОМЕЦ

Все изведавший,
Все читавший,
Все презревший,
Все растерявший,
В двадцать красных лет
Сердцем старый,
Иронический
И усталый.
Покажу ли что —
Негодует,
Расскажу ли что —
В ус не дует.
Умных умными
Не считает,

Годы скучные
Коротает.
Так за хитростью
Непреложно
Суть хоронится,
Что ничтожна!

1940

ПЕСНЬ ОСЕННЕГО ВЕТРА

Ветер поет,
скользя по штыку граненому.
Песня его
пронзительна и грустна.
В синее тело небес
жестоко вонзенная
Алая сабля луны
сквозь тучи видна.
Ветер поет.
Смутные, но неусыпные
шепчет слова.
Боль, наточив острие, в сердце мое,
в память мою ненасытную,
Слушая песню,
врезывает ее.

Ночи осенней, а мертвые стонут в земле.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

То погребенные вонны-братья к мести
звуют.

Жизнь отжив, мечтою о мести живут.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

Клянусь! И клятвы своей вовек
не нарушу я.

Не убегать от стонов мира,

Не отступать от зовов мира.

Да выдержит сталь оружия:

Я болью своей и гневом буду стрелять!

1942

Уже зимы холодной покрывало
Весна с земли своей рукой срывала
И расстелила вновь ковер зеленый
Для юности свободной и влюбленной,
И птицы, мира трепетного дети,
Щебечут — хорошо им жить на свете!
Они взмывают к поднебесной сини,
Восторженно звенят их песни ныне.

Пусть будет так. На то они и птицы,
Чтоб песни петь и в небесах кружиться.
Они в своих скитаньях неизменных
Не ведают, как мы, тревог военных
И осенью на юг летят, не зная,

Что лишь одна страна у нас родная,
Что не бывать вовек другой отчизне...

Но пусть поют, пусть радуются жизни,
Пусть украшает мир пернатых стая,
И пусть цветы цветут, благоухая.
А нам с тобой, мой друг, теперь осталось
Сжать крепче зубы, побороть усталость,
И взять винтовку, и пойти в сражение
За это щебетание весеннее.

Весна — особенное время года,
Ей, как любви, всегда нужна свобода,
И там, куда пришло освобожденье,
Цветут цветы и слышно птичье пенье.

1943

НАД КОЛЫБЕЛЮ МАЛЬЧИКА

К деревьям, к грушам, зноем опаленным,
Привязываем мы коней своих,
А там, вдали, за блеклым небосклоном,
Жестокий бой доселе не утих.

Семь долгих суток смены мы не знали,
Порядком потрепали нас бои,
В своих высоких седлах засыпали
Кавалеристы, сверстники мои.

В село, где к седлам лезут ветви сада,
В село, освобожденное вчера,
Вернулись мы: нам стать на отдых надо.
Всем эскадроном отдохнуть пора.

По хатам разошлись мы. В самом деле,
Жилье, хоть нет ни крыши, ни окна!
Ухватами хозяйки загремели,
Заплаканные. Радость их трусна.

На малыша гляжу. На необъятный
Мир, трудно избевающий беду...
Потом патрон тяжелый автоматный
Ему в ладошку пухлую кладу.

Шуми, малыш, веселый и победный,
Не унывай, не плачь и не робей!
Твои вихры рыжее гильзы медной,
Глаза фуражек наших голубей!

И я смеюсь. Я вижу утро света.
Я прихожу, с земли сметая зло.
На колыбель, на никель пистолета
Взглянуть сегодня солнце к нам пришло.

Я «зайчиков» пускаю презабавных,
Я с мальчуганом поиграть хочу:
Никелированный сверкает браунинг,
И мальчик в зыбке тянется к лучу,

Трофейной зажигалкой я пощелкал —
К щеке небритой тянется моей,
Мне щеку гладит пухлою ручонкой.
О, как мы любим наших сыновей!

Как сказки им рассказываем длинно,
Как радуют нас лепет и возня.
Нет у меня пока такого сына,
Нет мальчика такого у меня!..

Война! Война! Как, в седлах спину
горбя.
Склонялись мы! В сраженьях сколько
дней
Мы пробыли! Какую бездну скорби,
Война, ты принесла любви моей!

Ты грохотом спугнула птичьи стаи,
Огнем, свинцом и смертью крещена,—
Над колыбелью в памяти листаю
Твои страницы, горькая война!

И я целую мальчика украдкой,
Пришедшего к нам в грозах и огне,

И нежности своей стыжусь несладкой,
Несвойственной солдату на войне.

Пусть не моя в нем кровь — та, что
тревожит
Сплетение полупрозрачных жил,—
Ту кровь, что завтра я пролью, быть
может,
Ему сполна я завещать решил!

И речь веду я, на младенца глядя,
И странно как: он слушает меня.
Басит над зыбкой незнакомый дядя,
Плечистый конник, зыбку накренья!

Расти.

Толстей и крепни,

Шустр и звонок.

Ты, рыженький, ты, жизнь земли моей!

Пусть горестей не ведает ребенок,

Дитя войны, дитя суровых дней.

Будь в жизни справедливым, верным,
точным,

Как пуля, что разит наверняка,

Будь в жизни нестигаемым и прочным,
Прочней, чем сталь солдатского штыка!

К деревьям, к грушам, зноем опаленным,
Мы привязали лошадей своих.
А там, вдали, за блеклым небосклоном,
Жестокій бой доселе не утих.

1943

НОЧЬЮ В ОКОПЕ

Лежим. Не пропадем авось.
Темно на белом свете.
Пронизывает нас насквозь
Весенний черный ветер.

А обувь — мокрая. Она
Дрожь вызывает в теле.
Как лед винтовка холодна,
Аж руки онемели.

Лежат солдаты на войне,
Их снег с водою топит.
Они не в дыме, не в огне —
Они в степи, в окопе.

А все огни со всей земли
Как будто ветры сдули,
И лишь трассируют вдали
Шальные чьи-то пули.

Солдаты тихо говорят
О новостях из дому,
И от души один солдат
Сочувствует другому.

Невесел, короток рассказ
Солдата пожилого:
«Моя-то пишет, что у нас
Порожняк корова...»

А молодой солдат сказал —
И у него забота:
«Темно, а то б я показал
Своей невесты фото».

Мечты о доме, словно сны,
Витают, согревая,
И на мгновение нет войны,
А только жизнь простая...

ВЫСОТА

Николаю Санджиеву

Взять высоту был дан приказ:
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пулей в легком наземь пал.
Под Сарпами то было с нами.

Сознание на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: «Вероятно,
Обрызган кровью, здесь, в бою,
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь втолкнуть обратно!»

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух,—
Они на кровь мою садились...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лилась, и я не знал, куда
Тянуться помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,
Облизывал я корку губ;
И вдруг, в стеблях, со мною рядом,
В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

1945

ЗОВ РОДНОГО КРАЯ

Скакун, пленивший взгляд и душу,
Копытом роющий песок,
И неожиданно подувший
Весенний, теплый ветерок,
И звезды, что в степи небесной
Пасутся, как стада овец,
И песня девушки прелестной,
И с книгой худенький юнец,
И облаков ленивых глыбы,
И тени прошлого во сне
Напоминают, где б я ни был,
Мне о родимой стороне.

И, солнце взглядом провожая
За кромку черную лесов,
Я слышу зов родного края,
Могучий, беспредельный зов.

1950

Ты счастье мне пророчишь взглядом;
Не подтверждая взгляд словами.
Нередко ты со мною рядом,
Но будто пропасть между нами.

А через пропасти громадность,
Через молчанье, через холод
От сердца к сердцу грусть и радость
Дугою огненной восходят.

1951

Печь пожарче разожги,
Если телом ты продрог;
Если сердцем — то взбегни
К ненаглядной на порог.

1951

ЛЕТО В ПОРИЛЬСКЕ

Третьи сутки всерьез припекает,
Все живое кругом веселя.
Третьи сутки теплынь здесь такая,
Что уже зеленеет земля.

И весна здесь, и лето, и осень
Умещаются месяца в два.
Круглосуточно нежную просинь
Пьют деревья, зверье и трава.

И заметно глазам, как тучнеет
Весь пушной и пернатый народ,
Как становится зелень сочнее,—
Здесь сгущенное время течет.

1955

НЕПОГОДА

Пурга, пурга!
Всю ночь, давясь от злобы,
Хвостами ста песцов мела пурга,
Сметая в ноздреватые сугробы
Пронзительно-холодные снега.

Автобусы, ходившие к заводам,
Уже ничем нам не могли помочь,
Рожденная полярным небосводом,
Пурга мела, пурга мела всю ночь.

Но, черной лентой путь обозначая
Сквозь этот белый яростный предел,
Пешком шли на работу норильчане,
И транспортером их поток гудел.

Одoleвая вьюжные стихии,
Мы шли к созвездьям заводских огней,
И вновь я понял, что сердца людские
Моторов огнедышащих сильней!

1955

ОЧИЩЕНИЕ

Вот, вот оно — о чем так много лет
Я тосковал!.. Самой судьбы расписка...
Отстучала бесстрастно машинистка
Здесь на бумаге: «Не виновен... Нет».

«Нет, не виновен!»... И громада зла,
Подобная неизлечимой боли,
К которой притерпелся поневоле,
Вдруг поддалась, подтаяла, сползла
С души, хоть к ней, казалось, приросла...

Душа моя!.. Исполнились мечты,
Всё, всё, во что ты верить не устала...
Ужели не обрадуешься ты,
Как радоваться нам теперь пристало?!

Гляди: явилась праздничная весты..
Что делать, если юная невеста
В пути успела захиреть, отцвесть,
Состарилась, пока дошла до места?..

Гускай она в морщинах, как земля,
И, съжившись, бормочет что-то глухо,
Запавшими губами шевеля,
Все ж улыбнуться силится старуха...

Но где же зубы — звезды-жемчуга?
Увы!.. Давно сгубила их цинга!
Подернутые синевой и гарью,
Они, как звезды черные, в снега
Скатились... Поглотила их пурга,
Пожрал огонь холодный Заполярья...

И потому я не пускаюсь в пляс
И шапкой оземь не хлещу в кураже,
Как те, кому амнистия сейчас
Так неожиданно простила кражи...

И потому, хоть благодарен я,
Но радость эта стоит мне усилий...

Припомнилась мне молодость моя.
Все десять лет... И вы, мои друзья,
Дождавшися правды лишь в могиле...

Но правда все же торжествует! Все ж
Непобедимо Ленина ученье!
Двадцатый съезд, как благодатный
дождь.

Принес земле и людям очищенье,
И новый взлет — родной моей стране,
Высокую волну добра и света...
А если... — страшно и подумать мне, —
Что было б, если б не свершилось это?!

В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

В стране чудес, людского счастья ради,
До наступленья радостных времен
Служивший человеческой отраде,
Великий мастер был на свет рожден.
Чтоб радость заблестала перед нами,
Чтоб мы в ней обрели источник сил,
Он с неба свел живого солнца пламя,
Его лучи сгустил, соединил.
Красу земных сокровищ обнаружив,
Для волшебства кудесник был готов:
Посуды блеск и грозный лоск оружия —
Явился людям дар немых хребтов!
Из мрака огненные камни вынув,
Гранил их мастер ночью при луне,

И красота таинственных рубинов
Напоминает о земном огне;
Уже плывут из векового праха
Рубин, смарагд, мерцающий светло,
Сверкающая шапка Мономаха,
Блистающее золотом седло!

1956

ГОЛОС МОСКВЫ

Чтоб у нас могли сердца расцвести,
Как голубка, радостно и смело,
Из Москвы живительная весть
По домам калмыцким полетела.

Были эти русские слова
Точно взяты из волшебной сказки:
«Вечером передает Москва
Музыку калмыков, песни, пляски...»

В комнату Чимде толпа влилась:
Собрались заранее калмыки.
Был приемника зеленый глаз
В этот час для нас как мир великий.

На почетном месте старики,
Семь прожившие десятилетий,
Дальше — девушки и паренки,
А за ними, между ними — дети,

Те, что родились, росли вдали
От степей, где травы жизнью дышат,
Те, что музыку родной земли
В первый раз по радио услышат...

Что это? Как малый мальчуган,
Рукоплещет старец поседелый.
Это ведь Лиджиева Улан
Песню по-старинному запела!

Это лебедь в озере грустит,
Это ветер мчится в летнем зное,
Таволжник листьями шелестит,
Полыхает марево степное.

Это степь волнуется весной,
Буйными тюльпанами покрыта,
Стадо возвращается домой,
И стучат тяжелые копыта.

Отчий край, чьи дали широки,
К тесному приблизился жилищу.
Плачут все: старухи, старики,
Плачу я, как будто лук я чищу.

Не стыдимся мы счастливых слез:
Через реки, города, станицы
Силу жизни нам эфир принес.
Он калмыков имя произнес,
Голос, прозвучавший из столицы.

1956

НАГРАДА

Есть Правда мудрая, седая.
Через насилле она
Проходит, облик не меняя,
Самой себе всегда верна.

Она доказывает: «Честно,
Мой друг, ты прожил жизнь свою,
А ложь и ловкость, как известно,
Я, истина, не признаю!

Незрима пусть моя награда,
Но право получают с ней
Спокойным и открытым взглядом
Всегда смотреть в глаза людей».

1956

Аркадий Райкин в миг один на сцене
Меняет облик перед нашим взором...
О, если б тайна перевоплощенья
Была известна лишь одним актерам!

1956

ПОЭТ

Когда в твоей груди, ища созвучия,
Бушует чувство, как волна бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И всей душою, музыкою взвихренной,
Ты ощущаешь вдохновенный жар,
И гений жизни с щедростью неслыханной
Тебе приносит новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровением,
Чтоб радовать людей и волновать,—

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напой, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

1956

НА ПОЛЕ

Надо мною небосвод высокий,
Светлый, как грядущая судьба,
Подо мной земли вбирают соки
Сказочно растущие хлеба.

Спелыми колосьями пшеница
Сухо и пронзительно звенит,
Поднимаясь, густо золотится.
Каждый колос будет знаменит.

Слышу в сердце слитный, сильный голос:
И земля поет, и я пою.
Спелым счастьем тяжелеет колос,—
Собственное счастье узнаю.

1956

ЛИЦО СТАРОГО ДРУГА

Лиджи Инджиеву

Лоб твой в морщинах глубоких,
В бороздах прожитых лет...
Это суровые строки,
Клинопись бед и побед.

Парю резких морщинок
Скорь возле рта залегла...
Думаю, что за причина,
Что за тоска их прожгла?

Рядом морщинка другая...
Все в них прочесть я хочу.

Память свою напрягая,
В дальние дали лечу.

Детство... Игра в мушкетеров...
Юность... В ней Пушкин живет...
Но затянуло нас скоро
В грозный круговорот...

В сердце у каждого клятва
Родине мир принести.
Многих кровавая жатва
Так и скосила в пути...

Жизнь, словно скульптор, касалась
Сталью лица твоего.
Горе утрат, мне казалось,
Избороздило его.

Вместо веселого блеска
Мудростью светится взгляд.
В слове спокойном и веском
Мысли больше сквозят.

Чувствую я уваженье
К каждой морщинке твоей.
Трудный твой путь — отраженье
Родины трудных путей.

1956

ТОЧНАЯ ТРАССА

Я вижу карту. Предо мной открыты
Хребты, и горы, и моря великие.
Отсюда, где белает Ледовитый,
Я мысленно лечу к степям Калмыкии.

Простор земли яснее понемногу,
День явственней за дымкою туманною,
И счастлив я обдумывать дорогу,
Такую длинную и долгожданную.

Мой путь через Москву по карте мчится.
Задумчиво, как на мечту извечную,
Гляжу на твой кружок, моя столица,
На красную звезду пятиконечную.

И взор мой трассу точную находит
К родному краю, заново цветущему,
И верю я: через Москву проходит
Дорога человечества к грядущему.

1957

СЧАСТЬЕ

Упований людских не щадя,
Окруженный гудящей Москвой,
Враг нацелился в сердце вождя
И нажал на крючок спусковой. ♦
Выстрел грянул, но только сильней
Заалели знамена-огни:
Все народы России моей
Воедино сплотились в те дни.

Дай мне счастье такое, судьба,
Чтоб звенело оно, как литье;
Чтобы там, где пылает борьба,
Враг нацелился в сердце мое,

Чтобы хлынула жгучая кровь,
Растопила седые снега.
Заслужить бы мне друга любовь
И свинцовую пулю врага!

1957

СОЛНЦЕ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Как-то, в обеденный перерыв,
Мир изменился вдруг.
«Солнце! Солнце!» — дверь отворив,
Мне закричал мой друг.

А телефон, что дремал в тишине,
Вдруг пробудился от сна.
«Солнце восходит!» — кричала мне
По телефону жена.

Бросив дела, восклицая: «Скорей!»,
По коридору толпой
Люди бежали к просвету дверей,
Звали других за собой.

Снег веселел, занимался, искрясь;
Быстро светлели двory.
Солнце всходило не торопясь
Из-за вершины горы.

Словно малиновый месяц, огнем
Тучи раскрашивало.
Как без него мы во мраке живем,
Будто расспрашивало.

Вечное счастье для всех и всего,
Данное всем и всему,—
Как я три месяца жил без него,
Право, и сам не пойму.

Солнце! Ты видишь? Мы вытерпели
Долгую, долгую тьму..
Солнце!.. И, словно на митинге, мы
Рукоплескали ему.

1957

* * *

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог.
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господы!»

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

1957

В аллее парковой не мог
Мой новый стих проснуться,
Как я не мог через песок
Сырой земли коснуться.

И образ мой не шел никак,
Как я, бродил на ощупь.
Но вот растаял гулкий мрак,
И вышел я на площадь.

Полна людей, светла, шумна,
Она заговорила.
Мне сотни образов она
Для песен подарила.

1957

ХАДРИС¹

Ты извивайся, как змея! Хадрис!
Будь пламенем, будь вихрем и грозой!
Как ласточка, взвивайся и кружись,
Стань гибкою лозой!
Мчись, как тушканчик, не страшись игры
И догони мелодию домбры!

Есть, говорят, чудесная страна,
Край Бумбы² светлоликней,
Там, говорят, извечная весна,
Там счастливы калмыки.

¹ Хадрис! — восклицание во время пляски.

² Бумба — сказочная страна из эпоса «Джангр».

Степным орлом взмой в небеса! Хадрис!
Промчись, как буря, к северу и югу,
Как мотылек, блеснув, перевернись
И вновь пройдишь по кругу.
Дрожи, как зыбь, вздымайся, как волна!
В тебя душа калмычки влюблена.

В степях калмыцких тучные стада,
Им нет конца и края.
Калмык живет для счастья, для труда.
Вновь силы набирая.

Развейся пылью огненной! Хадрис!
Рассыпья дробью, выпрямись упруго
Как наша юность, ярко повторись,
Чтоб вспыхнула подруга.
Ты посмотри, народ стоит вокруг,
А ну-ка покажи себя, мой друг!

В степях огни веселые горят,
Здесь радостные клики.
Родную партию благодарят
От всей души калмыки.

А ну быстрее, еще быстрее! Хадрис!
Кружись, беги, лети, сверкай очами,
На корточки присядь, и пробегись,
И поиграй плечами,
Из крепкой кожи сапоги разбей
И новые купи себе скорей!

1957

АЛМАЗЫ АФРИКИ

Я знаю из многих рассказов,
Сквозь даль перекинувших мост,
Что в Африке больше алмазов,
Чем в небе над Африкой звезд.

Природа старательно прячет
Алмазы в шкатулках земных.
Немало в пустыне горячей
Положено жизнью за них.

Светлы, словно день спозаранок,
Сокровища чистой воды;
Блестят, как глаза африканок,
Как мускулы негров, тверды.

Их вес исчисляют в каратах.
Но негров согнула беда,—
Поэтому в камнях богатых
Есть грустное что-то всегда.

Под стражей их в край чужедальний
Увозят, и снова вдали
Им слышатся стоны печальной,
Ограбленной отчей земли.

В банкирские сейфы ли канут
Они на чужом берегу
Иль там украшеньями станут
Для женщин в богатом кругу?

Алмазы остры, словно сабли,
А ярость народа — вдвойне.
У Африки крупные капли
Стекают по черной спине.

1957

В ЭССЕНТУКАХ

В южной местности живописной
Три стакана подряд мой друг
Той воды тепловатой и кислой
Выпивает из девичьих рук.

Стоя рядом с красивой и стройной,
Глаз не сводит с девичьих глаз
И с медлительностью пристойной
Пьет глотками едва ли не час.

Начал друг уходить от недуга
Шаг за шагом и день за днем:
Зарумянились щеки у друга,
Загорелись здоровым огнем...

Почему бы науке лечебной
Не добраться до этих лучей,
До неведомой силы волшебной,
Что идет из девичьих очей?

1957

БАРАН

На вершине степного кургана
Я однажды увидел барана:
Он взбирался на склоны крутые,
Он полнеба собой заслонил
И рога золотые, витые,
Пыль вздымая, о землю точил.

Возвещал он всей тушей своей:
«Подойди, человек, погляди-ка,
Я один властелин и владыка —
Жизненосная сила степей!»

В этот миг закричал ему: «Двигай!» —
Подбежавший сердитый чабан.
Он взмахнул своей длинной гирлыгой,
И в отару поплелся баран.

ИГРА В ШАХМАТЫ

Первый игрок, разрывая строй,
Пошел королевскою пешкой
И ждал терпеливо, покуда второй
С ходом ответным мешкал.

Третий — ценитель — со стороны
Следил за игрою знакомых.
Ему все ошибки были видны,
Он каждый отметил промах.

Но наперед угадать нельзя
Тактики мастера гибкой:
Он рассчитал и, отдав ферзя,
Мат объявил с улыбкой.

Третий дивился уму игрока,
Натиску, силе удара,—
Замысел он проворонил, пока
Промах выскивал яро.

1957

НА СМЕРТЬ ДРУГА

*Памяти Пишмана Азыдова,
командира роты разведчи-
ков, посвящая.*

Тот, кто мыслью мир обнимал,
Детства милого милый друг,
Добрый, внимательный мой Пишман
Умер.

Долго мучили раны его
Самую страшную из мук,
Долго в нем жили куски войны,
Жить не давая...

Умер.

Точно багровый, мохнатый паук.
Ползала боль по его крови,

Сердце нащупала, в жилы вцепилась
Хищными лапами...

Умер.

Гордое сердце, клокочущее
Остановила, сказав: «Не живи!»

Смелый,
Мечтательный мой

Пишман,
Юный такой,

Умер.

Да, были молоды мы, Пишман,
Во все на свете нам верилось,

Щедрые были у нас мечты,
Все у нас было щедро...

Год сорок первый упал меж нас,
Дунул — и все развеялось;

Судьбы,

года,

города,

мечты —

Стали добычей ветра.

Не стало тебя.

И я не смог

Поцеловать в последний раз

Высокий, белый твой лоб,
Пишман,—
Я был от тебя далеко.
Черных блестящих волос волну
Не смог погладить в последний раз,
Не смог твоих последних слов
Услышать: я был далеко.
Ты звал меня —
Я прийти не смог.
Над насыпью твоего холма
Не смог, прощаясь, заплакать я:
Я был от тебя
Далеко...
А сколько в мире таких могил,
Где спят
 упованье,
 счастье,
 любовы
А сколько в мире таких могил —
Далеко от нас,
Далеко...
Не слышал твоих я последних слов,
Но мир единый
Лепил наш мозг.

И знаю:
Не о себе был взлет
Твоей последней мысли.
Подобная плачу скрипки во сне
Или паденью звезды во тьме,—
О нас была эта мысль, Пишман,
Мы вздохом предсмертным были.
...И землю родную увидел ты,
Белые корпуса Элисты,
Нашу весну, и цветы, и листья,
И стадо за тучей пыли...
На затуманенные глаза
Степь опустила свои небеса.
В черном бешмете
Траурный ветер
Тронул волос извивы...
И вдруг, Пишман, ты увидел нас
И улыбнулся в последний раз...
Прощай, мой друг!
Ты в сердце у нас,
А мы, Пишман,
мы живы!

**ВОЗВРАЩЕНИЕ БОТЯНА
НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ**

Ботяну за семьдесят лет.
Со всей семьей он в машине,
И вот за Цоросами вслед
Поселки бегут по равнине.

От родины он не отвык.
Домишки привычно дымки
разостлали,
Растроганный смотрит старик
В родные широкне дали.

Он старую песню поет
Над снова увиденным краем:

«Мы красное знамя свое
До синих небес поднимаем!»

Старик на подростка похож,
И юность ему все роднее,
И с песней живет молодежь,
С «Широкой страной моею».

То ль праздник, то ль свадьба в
селе...

Калмыка на пир приглашают.
То вновь на родимой земле
Родственники встречают.

Покинув автомобиль,
В сторонку Ботян подается,
Смывает дорожную пыль
Старик у родного колодца.

Живая вода наяву!
Подставил он голову струям.
Он нежно погладил траву,
Он землю накрыл поцелуем.

Все семьдесят лет перед ним
Встают, и до слез он растроган —
Далекого прошлого дым
Поднимается понемногу.

А в небе летят журавли,
Курлычут в полете на север...
Давно уж морозы прошли,
Мечтает земля о посеве.

Г'росторы родимой земли!
Что может быть ближе калмыку?
И синее небо вдали
Необходимо калмыку.

1957

Приму ли ошибку за истину,—
Ну что же! Свое заблуждение
Сейчас же исправить готов.

Беда ли нагрянет нежданная,—
Я зубы сожму — и без жалобы,
Без стога готов умереть.

От двух только бед унеси меня,
От двух наказаний спаси меня,
От двух только, мать моя, Жизни!

В минуты, для родины трудные,
Минуй меня труса название,
Бегущего зайцем в кусты.

Минуй меня звание черное
Безвишних губившего некогда
Презренного клеветника.

1957

ВРЕМЯ И ЖЕЛАНИЕ

«Тик-так, тик-так...» — неумолимый звук,
Все кажется, что спрашивает кто-то:
«Скажи, что сделал ты сегодня, друг?»
«Тик-так, тик-так...» И списан день со
счета.

И снова солнце белого коня
Ведет на смену черной кобылице.
И спрашивает время у меня:
«Не кончил ли ты начатой страницы?»

«Тик-так, тик-так...» Летит за годом год.
И звездны календарные дороги.
Делам людским — незримый счетовод —
Подводит время точные итоги.

Звучит «тик-так» порою как укор,
Уж лучше б стрелки превратились в
шпоры.

Как мало совершил я до сих пор,
А предо мной задуманного — горы.

И если даже оборвется жизнь,
Не прекратится смена дня и ночи.
«Тик-так, тик-так...» Приятель, торопысы
«Тик-так, тик-так...» Стал отдых мой
короче.

1957

КРАСОТА ДОБРА

Старый калмык работал у нас —
Сторож он был ночной,
В цехе появится в поздний час,
Утром уйдет домой.
Как-то раз я письмо прочел
И загрустил в тишине,
Слышу — трогает за плечо
Старик, подходя ко мне.
«Скажи мне, сынок, что за беда,
Нет ли невзгод каких?» —
«Из дому пишут: в деньгах нужда,
А где я достану их?»
Так, неожиданно, эту печаль
Выболтал мой язык,

И, промолчав, головой покачав,
Прочь отошел старик.
Пришел я в контору в начале дня —
Сторож сидел курил,
Молча в сторонку отвел меня,
Тихо заговорил:
«Деньги, сынок, не печалься — есть...
Копил... но ведь надо... что ж...
На вот — ровно две тысячи здесь,
Будут — тогда вернешь...»
Смотрел на него я и денег не брал,
Так и не взял ничего.
Я красоту и силу добра
В сердце увидел его.
Понял внезапно я в этот миг,
Что всех окружающих я должник.

1957

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

Метель уже не воеет и не плачет,
И ясен свод над головою дня.
Тринадцатое марта — это значит,
Что день рожденья нынче у меня.

На лбу легли морщины, как на поле
Рядком ложатся борозды весной.
Мне тридцать пять исполнилось,
Давно ли
Осталась где-то юность за спиной?

Давно ли, с ней в неравном поединке.
Победу одержавшие года
Оставить на висках моих сединки
Сумели без особого труда?

Не любит ждать продевший ногу в
стремя.

И вот друзья со мною заодно,
Благословляя мчащееся время,
Спешат разлить веселое вино.

«Столетия желаем!» — и со звоном
Ударили стаканами в стакан.
Мы пьем вино, а за стеклом оконным
Вдыхает Ледовитый океан.

А за столом, покашливая, просит
Опять к себе вниманья тамада,
Он тут йорел калмыцкий произносит,
Торжественно звучащий, как всегда.

И родина мне счастья пожелала,
Всех сыновей собрав в одну семью.
«Живи», — сказала. «Радуйся», — сказала,
Погладив нежно голову мою.

На то, что, миновавши, стало сном,
Нас, удивленных, оглянуться тянет.
Зовем грядущее и думаем о нем,
Пока оно сегодняшним не станет.

Меж «завтра» и «вчера» стоит оно —
«Сегодня» — мост надежный и высокий,
Оплот и связь и вечности звено,
В котором слиты жизни наших сроки.

1957

ЖЕЛАНИЕ

Если бы владел я силой небывалой,
Я один бы глыбы подымал, пожалуй;
Я возвел бы зданья сам в краях родных,
Дорогих сограждан поселил бы в них!

Если б я родился ливнем светлоликим,
Я б водой весенней двинулся к калмыкам,
Напоил бы землю влагою живой,
Чтобы степь шумела пышною травой!

И, стремясь душою к заповедной цели,
Я б хотел, чтоб степи овцами пестрели,
Чтобы степь сияла снежностью руна,
Чтоб тепло оделась русская страна!

АРШАН-ЗЕЛЬМЕН¹

С. Липкину

Горячая степь подступает к машине.
Мотор перегрелся, с жарою нет сладу.
Орел — словно точка в распахнутой сини:
Наверное, там отыскал он прохладу.

И пот из-под шляпы соломенной льется
За ворот рубахи моей. А покуда
В пути начинаю мечтать о колодцах,—
Ужели их влаги не хватит для чуда?

На месте барханов желтела бы нива,
И, ветви раскинув вдоль пыльной дороги,

¹ А р ш а н - З е л ь м е н — название местности.

ТРУД

Слесарь занят своим верстаком,
Словно скрипкою мастер умелый:
Вот напильник запрыгал смычком,
Вот железо струной зазвенело!
Нужной вещью стал грубый металл,
Юный слесарь в глазах моих вырос —
В этом мастере я увидал
Молодого хозяина мира.
Сердце слушало музыки гром,
Отвечая биеньем чуть слышным...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

С побелевшим от пыли лицом
Встал на мостик комбайнер усталый.

Он отдался труду целиком,
Крепко сжал рукоятку штурвала!
Он мазутом и солнцем пропах,
Вдаль глядел он, не зная покоя,
И казалось, держал он в руках
Непокорное счастье людское.
А колосья искрились кругом
Блеском солнца и золотом пышным...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

А в калмыцкой степи как-то мне
Повстречался чабан—друг мой старый.
Он скакал на поджаром коне
И толково справлялся с отарой.
Засвистел он и тронул коня,
За отставшим погнавшись бараном.
И, смеясь, ускакал от меня
Этим утром безоблачно-ранним.
В необъятном просторе степном
Был хозяином друг мой давнишний...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

Но когда за рабочим столом,
За мгновение мир облетая,
Я сижу над заветным стихом,
Стройность формы ему придавая;
Времена, незнакомые мне,
Приближая, читаю, как книгу,
И беседу веду в тишине
Со страной моею великой,
И вхожу по рассветной росе
В коммунизм, для земли непременный,—
Я такой же работник, как все,
Я такой же хозяин вселенной!

1958

Не чудо ли, что вспомнить я желаю
Все то, чего не видел никогда,
И все же многое припоминаю,
Как собственные детские года.

Припоминаю: вот на той полянке
Сидел он, Пушкин, и писал о ней,
О грустной полонянке, о славянке,
Которой ненавистен был Гирей.

Чтоб соприродные душе морские
Услышать бури, он скакал в Гурзуф.
И волны, как грядущее России,
Текли к нему, пространство
распахнув.

А вечером, в кругу друзей пируя,
Он сам шумел, как моря пенный вал,
И, пламя слов сверкающих даруя,
Столетиям песни дивные слагал.

МЫСЛЬ

Травы, увядая, оставляют
Семена для будущих ростков;
Люди, умирая, оставляют
Знания для будущих веков.

Скапливаясь, плотность обретая,
Мысль растет от света и тепла.
И стремится к солнцу, возвращая
Солнцу все, что у него взяла.

Только там,
Где тьма лежит сырая,
Гибнет Мысль,
Сама себя сжирая.

1958

ОРДЕН БОСХОМДЖИ

Горенье дней, бессонный бег ночей,
Мороз, метель, промозглые дожди —
Все превозмог работою своей,
Все победил Лиджиев Босхомджи.
И вот овец породистых число
В его руках так быстро возросло,
Что от овец на пастбище бело,—
И орден получает Босхомджи.
На встречу с награжденным на вокзал,
Как бы на свадьбу, прибыл весь совхоз.
...Когда к платформе поезд подбегал, —
С народным шумом слился шум колес.
Шумел всех громче дядя Босхомджи —
На радостях подвыпивший Дорджи.

Племянником гордясь от всей души,
Шумел Дорджи шумнее всех колес.
«Племянник мой прилежен с малых лет,
У нас в роду совсем лентяев нет.
Ни для кого, надеюсь, не секрет,
Что весь в родню удался Босхомджи?» —
Подмигивая, говорил Дорджи.
Улыбки скрыв, мы слушали гурьбой,
О чем пастух судачит пожилой,
До той поры, покуда на перрон
Из поезда не вышел наш герой.
Он отвечал на сотни жарких слов
И сотни рук ответно пожимал.
Слепящие снопы степных цветов
От девушек смущенно принимал.
И всем казалось, что не только он,
А весь совхоз сегодня награжден.

1958

ТАНЕЦ СИТАРЫ

Входит в музыки извивы,
Чтоб отпрянуть вновь в испуге,
И подобен стану ивы
Гибкий стан ее упругий!
Беспечальной звонкой былью
Длятся взмахи и прыжки,
Как раскинутые крылья,
Руки смуглые легки!
Как бренчат ее запястья,
Как горит ее лицо,
Золотым обетом счастья
Блещет каждое кольцо!
И темнеют брови гостью,
Свежий рот полуоткрыт,

И браслет слоновой кости
На руке ее блестит!
Эти руки сами, сами,
Зазывая и маня,
Нас чаруют чудесами
Загоревшегося дня!
О рассветах и закатах
Нам напомнит каждый взлет,
Прямо с плеч ее покатых
Шелк сверкающий течет!
Это нити пестрой пряжи
На свету и в полумгле,—
И едва ли пальцы даже
Прикасаются к земле!
Вот сейчас они, шальные,
Ускользнут наверняка —
Так тушканчики степные
Убегают от хорька!
И хотя нам танец внове,
Мы понять ее должны:
Говорят глаза и брови,
А слова ей не нужны.
Томной музыки удары,
Черных глаз далекий свет:

Пляска пламенной Ситары
Озарила сотни лет.

Как будто история раскрылась заново.
И вновь я единство народов постиг,
И кажется, передо мною Уланова,
И танец раскован, как пушкинский
стих!

Я понял, что, силы ничуть не утратив,
Во тьме вековой свои корни сплели
Напевы и пляски народов-собратьев,
Я понял: едино искусство земли!
И версты, и поступь скитальческих
посохов.

И снова рассвет над горами пунцов,
И я словно вижу отчизну философов.
Отчизну танцоров, отчизну певцов!
О Индия, светоч, взлелеянный Азией.
Прими эту речь как признание в любви!
Овеяны неукротимой фантазией
Сказанья, легенды и песни твои!

Пусть в капельке Ганга, как в сказке,
Мерцает небес вышина,

В раскованно-пламенной пляске
Вся Индия отражена!
И в рукоплесканий прилив,
В блаженных ладоней удары,
От танца еще не остыв,
Вошло обаянье Ситары!

Овация, громче греми!
Ситара уже не на сцене:
Сойди к нам, скорее сойди,
С улыбкой предстань пред людьми!

И, руки сложив у груди,
Она произносит «ЛЕНИН»,
Она произносит «ЛЕНИН»
И русское слово «МИР»!

Так в пляске, Ситара, кружись,
Так солнцем взойди на концерте:
В тебе воплощенная жизнь,
В тебе отрицание смерти!
Покорна желанной судьбе,
Душа устремилась к Ситаре:
Я Индию славлю в тебе,
Танцовщица в огненном сари!

И зрители с места встают —
Мы Индию сердцем узнали,—
И кажется, дружбы салют
Гремит в переполненном зале;
И небо, и звездная тьма,
И соки земли жизненной,
Ряды кипарисов и сосны,
И в пене прибоя кайма,
Соцветья, ладони ветвей,
И пальмы над пляжем янтарным —
Все, все аплодирует ей
В порыве одном благодарном!
И если бы вы у меня
О том, что здесь было, спросили,
«Здесь Индию,— молвил бы я,—
По-братски встречает Россия!»

1958

НОВАЯ ВЕСНА

Песня калмыцкая, травка степная,
Ах, до чего же твой праздник хорош!
К солнцу высокие стебли вздымая,
Снова ты воду щедрую льешь.

Ножки-травинки, как ножки овечек,
Так и бегут и мелькают вдали.
Первый цветок, словно первый
разведчик,
Жадно глядит на кипенье земли.

Жаворонок, молодой небожитель,
Смотрит на степь, от весны захмелев,

Путь мой степной! Словно жизнь, ты
бескраен.

Травка, дорогу ты мне уступи!
Вот я, всех будущих весен хозяин,
Властно иду по калмыцкой степи.

1959

Как прежде ль в тайны, дорогая,
Ты будешь посвящать меня?

И с детской радостью такую
В глаза доверчиво смотреть,
И руку маленькой рукою
Мне пожимать в минуты встреч?

...Не надо! Больше не могу!
Мне больно.
Прикованный к доверью твоему,
Кляня другого, делаюсь невольню
Сообщником твоей любви к нему.
И — как без слез порою плачут —
Ревную я
Без права и без слов...

Прошу тебя:
С ним обо мне,
А не о нем со мною
Ты говори, любя иль не любя.
Не мать и не подруга я.

Иные
Ты мне слова и мысли приготовь.
И не вверяй мне
Тайн своих отныне,
И дружбой
Не карай мою любовь.

1959

Небо синее внезапно почернело,
Надо мной ударил гром.
Вижу: молния, исполненная гнева,
Хлещет огненным ремнем.

Но опять блеснуло солнце надо мною,
Снова тихо в небесах...
Прав поэт, который небо голубое
Подсмотрел в твоих глазах.

1959

Размышленьями полон пустыми,
На своем я упорно стою.
Позабывать навсегда твое имя
Я себе обещаю даю.

Пусть не будет обид без расплаты —
Я твержу, все в уме перебрал,—
Не права, не права, не права ты;
Это я сокрушающе прав!

Слабость, сила... Где грань между ними?
Ты найдешь у меня из ума.
А рука твое милое имя
На бумаге выводит сама.

1959

**ДЕВУШКЕ-
ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТУ**

Развернув калмыцкие газеты,
Я бегу глазами по страницам.
Вот стихи знакомого поэта,
Вот на снимке вижу чьи-то лица.

Информаций беглые пристрелки,
Рядом снова снимки, а под ними
Шрифтом напечатанное мелким
Автора девическое имя.

Прочитав еще раз имя это,
Тотчас я увидел на мгновенье —

Травы в блеске солнечного света,
Утреннего ветра дуновенье.

Обойдя цветущий душистый вереск,
Под косынку волосы запрятав,
Девушка стоит, на степь примерясь
Объективом фотоаппарата.

Я подумал, не сдержав улыбки,
Что историк дальний через годы
Разглядит по снимкам этим зыбким
Славный путь калмыцкого народа.

Он поймет, как жили, как дрались мы
На крылах единого порыва.
И промолвит житель коммунизма:
«Вот он, переходный-то период!..»

Со страниц развернутой газеты
Глянут на него в одно мгновенье
И стихи безвестного поэта,
И рассвет, и ветра дуновенье.

Скажет: «Люди эти на планете
Жили в романтическую пору...»
И за снимки частые в газете
Будет благодарен фотокошу.

1959

* * *

Фанерными щитами прикрываясь,
Оружьем деревянным потрясая,
То отступая, то вперед бросаясь,
В войну играет детвора босая.

Я книгу отложил. Хочу взглядеться
Через окно в перипетии боя.
И незаметно погружаюсь в детство,
В далекое, далекое былое.

Минули годы. Годы. Скоро сорок.
Гляжу на детство, грустный и
счастливый.

И вспоминаю сверстников веселых:
О, если бы они остались живы!

Гораздо больше было бы, наверно,
Детей играющих на свете..

1959

СКОНЧАЛСЯ МОЙ ДРУГ

Скончался мой друг. Но лишь тело
Исчезло, как рябь на воде,
Лишь куртка его опустела,
Обвиснув на ржавом гвозде.

Лишь речи затихли, хоть мало
Тревожили воздух они,
Земля же просторнее стала
Всего только на две ступни.

Но как велико его место
Во мне! Это знаю лишь я.
Как сердцу безвыходно, тесно,
Как сдавлена память моя!

1960

**СЛОВО К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ
СЛОВУ**

Ты — нашей мысли плоть, живая сила.
Что прозорливо тайны осветила
Пространства,

глубины

и высоты,

Ты, Слово человеческое, ты
Опора наша, разума основа,—
К тебе, о Слово, обращаю слово!

Ты движешь человечество вперед.
Но ты живешь, пока оно живет!..

И если хочешь ты продлить полет
От звездной вышки — к новой светлой
вышке.

Из памяти людской, как язву, выжги
Железом, выскобли за слогом слог,
Как доктора выскабливают рак,
Чтоб ни один не оставался знак,
Чтобы никто и помянуть не мог
Исчадие — по имени Война!..

О Слово, поспеши! Не то она
Тебя сотрет и волею растленной
Твой выжжет след из памяти
Вселенной!

1962

СКУЛЬПТОР

Никите Санджиеву

Весь год, весь долгий, напряженный год.
В ночи — и то его не покидали
Наклон плеча, фигуры поворот...
И даже в снах он обсуждал детали.

Но вот работа сделана. Конец
Исканьям страстным, откровеньям
трудным.

Последнюю черту провел резец,
Излишек камня осторожно убран.

И, на свое творение смотря
Придирчиво, но все-таки влюбленно,
Стоит ваятель... Хлынула заря

В окно, смешала с полумглой зеленой
Свой утренний, свой золотистый свет,
Такой телесно-теплый, что как будто
Вздыхнул чуть слышно каменный портрет,
Затрепетал и ожил на минуту.

А скульптор вздрогнул... Подался вперед,
Вгляделся... Нет, ему не показалось!..
И в самом деле, перед ним — не тот,
Кого лепил он, позабыв усталость!..

· Так вот кого он в муках прославлял!
Портрет бесспорно схож с оригиналом.
Но, в камень воплотясь, оригинал
Вдруг оказался недостойно-малым.

Сумевший самых близких обмануть
Подделкой разума, подобьем чувства,
Лишь здесь явил он собственную суть,
Лишь здесь — под яростным лучом
искусства!..

И скульптор, острою пронзен тоской,
Забился в угол, закурил с печали,

Грызя мундштук... А в дверь уже стучали.
Друзья входили в двери мастерской.

Они кричали: «Здорово, ей-ей!»,
«Отлично схвачено!», «Свежо и смело!»,
Так поощряют взрослые детей,
Чтобы они опять брались за дело.

Портрет хвалили все за мастерство,
Не замечая черт его ничтожных...
Но с горестной усмешкой на него,
Забившись в уголок, смотрел художник...

Друзей благодаря, он проводил
До двери их. Вернулся, чуть не плача,
Подавлен грузом тайной неудачи...
Взглянул с надеждой робкой...

Подтвердил

Открытие горькое свое..! Притих,
К последнему решению готовясь...
«Друзей ты можешь обмануть своих,
Но совесть?.. Нет, ты не обманешь

совесть!»

Так приговор себе он произнес
И тихо поднял свой тяжелый молот...
И плод бессонниц, поисков и слез
В одно мгновенье гулко был расколот...

А скульптор, распрямясь, глядел во тьму,
Иных героев чуя приближенье...
Как я тогда завидовал ему!
О, тяжкое, о, сладкое служенье!

1962

КАЗАНЬ

Гумеру Баширову

В незабываемое лето,
Когда, сквозь версты, ветер, зной,
Черты борца, черты поэта
Вдруг возникали предо мной;

Когда, волнение пересила,
Я, движим гневом и добром,
Горение Мусы Джалиля
Воссоздавал своим пером;

Когда пылающее слово
Хотел я вырвать из груди,

Чтоб на мгновенье ожил снова
Тот, кто всегда был впереди;

Чтоб он свой стих сложил сначала,
Как в ту, как в молодую рань,—
Тогда ты много раз вставала
Пред взором мысленным, Казаны!

Тогда ты сделалась близка мне,
И, с песней чистый жар деля,
Со мной беседовали камни
И стены твоего кремля.

Но вот сегодня я впервые,
И не в мечтах, а наяву,
Увидел улицы живые:
Я у тебя в гостях живу.

Я в зданья вглядываюсь долго.
О, как меня сюда влечет,
Где улицы текут, как Волга,
А Волга улицей течет.

Потока шумного, людского
Не молкнет гул. Сдается мне:

Я слышу голос Льва Толстого,
Окрепший в этой стороне.

О, как я вздрагиваю, глянув
Кипучей юности вослед,—
Мне кажется: студент Ульянов
Проходит в университет!

И я, дорогу уступая,
Иду, мечту в душе храня,
Что встречу, может быть, Тукая
И он стихом пронзит меня.

Иду с казанскими друзьями,—
Здесь много я нашел друзей,—
И ты, Казань, перед глазами —
Как жизнь сама, а не музей.

Когда-то у старинных башен,
Где сказочно растет квартал,
Свой перевод поэт-чувашин
Здесь Маяковскому читал.

О Хузангай, мы стали старше,
Тот — позабыт, тот — знаменит,

Но что звенело в «Левом марше»,
То и поныне нам звенит.

О, как судьбе я благодарен
За то, что здесь друзей обрел,
И ты меня, мой друг-татарин,
На эти улицы привел.

Встают заводы на востоке,
Не меркнет быль седых камней,
И вашей мудрости истоки
Я начал понимать ясней.

Прекрасней новь былых сказаний,
Идем к иному рубежу.
Приеду в степь — и о Казани
Калмыцким людям расскажу.

Я стариков услышу речи:
Мол, где Казань? Узнать хотим!
«От коммунизма недалече»,—
Отвечу старикам своим.

Ничем не пресекается оно.
Оно в сознание нашем — бесконечно.
И человеку смертному дано
Жить на земле, не зная смерти, вечно.

Другому жизнь дарит он в свой черед
Другого, плача, одевает в саван...
Сам человек не умирает... Сам он
Только живет.

1963

Чтоб ложь пронзить, искал я острый
стих.

Он был на кончике пера как будто...
Но розу я увидел в ту минуту —
И выпало перо из рук моих.

1963

Поэту, широко известному повсюду,
Читал стихи собрат, неведомый покуда.
Во все вникал старик, хваля или браня,
И под конец сказал: «Послушайте меня!
Пока не знают вас, — стихи читайте чаще!
Поэтам нужен суд суровый, настоящий,
Чтоб познавать себя и вглубь и вверх
расти...
Когда ж, — старик вздохнул, — вы будете
в чести,
Тогда ни всем другим, ни собственному
глазу
Уже не отличить подделки от алмаза».

1963

ЗЕРНО

Когда сравнишь ты с золотом зерно,
Смотри, чтоб не обиделось оно!

А что такое золото?

Металл...

Зато зерно — начало всех начал!

Скажи мне, с чем зерна сравнишь ты
цвет?

Знай, что сравним с ним

Только солнца свет!

Хоть точность есть в сравнении таком —

Внимательно подумай о другом:

Лишь цвет от солнца зерна обрели,

А внутренняя суть их — от земли!

Но, этот вывод сделав, не спеши —

Заслугу всю земле не припиши.

Зерно мертво до той поры, пока
Его не тронет теплая рука.
Но и тогда, хлеба возрадив,
Она
До дна не исчерпает суть зерна:
Рука творит деянья не сама,
Она — слуга желаний и ума...

С начала дней суть хлебного зерна —
Как истина, проста; как жизнь,
сложна!

1963

Под именем бурята иль казаха
Не прятался...

Я был и есть калмык!
Ни под каким нажимом и допросом
Не осквернил души своей доносом!
И эта непричастность к силе зла
Наградой высшей для меня была.

Я был душой с народом,
втайне веря,
Как весь хороший, честный мой народ, —
Что к подлым слугам

кровожадных берий
Расплата — рано ль поздно! —
а придет!

Пусть их разгул, —
так думал я, —
ненстов, —

От них очистится, воспрянет вновь
Россия Пушкина и декабристов,
Россия Ленина,
его любовью!

ДВУСТИШИЯ

1

За то, что зла не совершил, ты не проси
наград,
Коль ты добра не совершил на этом свете,
брат.

2

Лишь в бурю грохочет простор океана,
А горная речка шумит постоянно.

3

Если в правде своей убежден, ты не
бойся хулы,
Если в ней сомневаешься сам, то
страшись похвалы.

9

Вот ветер, как платье плясуньи, взлетел,
и уже
Мне вспомнилась юность, листва зашумела
в душе.

10

Всегда держа по ветру нос,
Хозяина опережает пес.

11

Есть способ врага заслужить уважение:
Для этого выиграть нужно сражение.

12

Невзрачна степь калмыцкая на вид.
Но весен множество она в себе таит.

13

Он величал начальника «отцом»,
Хоть был начальник перед ним юнцом.

18

Он друга бил по голове, стремясь
Сбить с каблуков прилипшую к ним грязь.

19

Гора ведет к вершине, и к берегу — вода,
А помыслы высокие — сквозь многие года.

20

Человек, лишенный зренья, ясным знаньем
просветлен;
Жалок тот, кто темен мыслью: солнце
черным видит он.

21

Только правда слову зрелость дает,
Лишь народ герою смелость дает.

Если болен, то болезни от врача не прячь
свои.
 Ты ошибся? Так ошибки от народа не
таи.

Только в беге измеришь лошадей
быстроту,
 Только в деле проверишь людей доброту.

Украшен небоовод сиянием ночным,
 Украшена земля деянием людским.

Суслик встал на задних лапах у норы:
 «Вся вселенная видна мне, все миры!»

26

Если груз ты поднимешь, его ты
измеришь,
Человека поймешь, коль ему ты поверишь.

27

Сабля разом обнаружит остроту в бою,
В деле разум обнаружит остроту свою.

28

В силе мышцы успех плясуна,
Сила мысли таланту нужна.

29

Горный хребет раздробить нельзя,
Гордый народ покорить нельзя.

30

Творенья пахаря отличны среди прочих:
Плодам его трудов не нужен переводчик.

Все человечество в мирный поход
Русский язык за собою ведет.

Золото бессчетное рождается песками,
Слово искрометное народ творит веками.

1956—1958

ПОЭМЫ

ЖИВАЯ ВОДА

1

Наш секретарь райкома прямо с ходу
С машины прыгнул, и во весь разгон
Навстречу волнам устремился он
В тот миг, когда в канал пустили воду...
За свой костюм ничуть не беспокоясь,
Он в воду мутную вошел по пояс,
Но поскользнулся вдруг...

Раздался смех,
И секретарь смеялся громче всех.

Вода в канале пенится и плещет.
Вокруг кричат «ура» и рукоплещут
Так, что ладони, покраснев, болят,
И оторвать никто не может взгляд
От мелких волн в крутокипящей пене.
Все норовят поближе подойти.
Иные опустили на колени
И утоляют жажду из горсти,
Хотя вода и желтовата малость...

Забыв свои почтенные года,
Ликуют старнки: «Вода! Вода!..»
Готовы, право, на любую шалость!
Шумит и дышит свежестью река...

Стада, пришедшие издалека,
Сперва слегка попятились: откуда
Взялось, мол, неожиданное чудо?..
Но вот коровы подались вперед,
За ними — овцы, а затем — все стадо,
Втянув ноздрями острую прохладу,
Вдоль берега построилось и пьет,
И пьет, всем телом впитывая милость,
Отпущенную степи наконец...

И даже в выпуклых глазах овец —
Клянусь вам! — благодарность
засветилась.

Довольны все, куда я ни взгляну!
Всему живому счастье даровала
Вода, струящаяся по каналу,
По желтовато-глинистому дну.
Она бежит, волнуясь и звеня,
Как дождевые струи в водостоке.
И весел голосок ее высокий!..

Все это началось в начале дня...

2

«Вода! Вода!..»

Так эта весть возникла.
Ее веселый бригадир привез.
«Вода идет!» — он крикнул с мотоцикла,
И вокруг него собрался весь колхоз.

«Ты видел воду? Это — правда?
Где же?»

Фуражку вверх, смеясь, подбросил он:
«Недавно миновала Борогчон!» —
И точно ветерок повеял свежий...

Все двинулись... Речной волне навстречу
Пошла волна другая — человечья.

Безоблачная высь была ярка,
И небо — слезно синяя бумага...
Но в легком дуновенье ветерка
Теперь и вправду ощущалась влага.
Ласкала щеки, таяла во рту,
Бодрила дух, надежды навевая...

Вот так она пришла к нам, в Башанту,
Вода желанная, вода живая.

3

«Воды! Воды! Где ты, вода живая?!»
Глотая соль и пыльный суховей,
Из века в век от жажды изнывая,
Стенала степь Калмыкнии moist.

Она металась, как больной в горячке,
От зноя, от давящей духоты,
И умоляла небо о подачке,
И разевала трещины, как рты.

«Воды! Воды!.. Хотя немного мне
бы!..» —

На раненого зверя походя,
Она глотала воду, если небо
Роняло капли скудного дождя.

Хватала, точно милостыню нищий,
Не знавший насыщенья отродясь,
Как голодающий огрызки пищи,
Хватала, крошку обронить боясь...

Трубило солнце в огненные трубы,
Нещадно все живущее паля.
Животные облизывали губы,
Растресканные, как сама земля.

Стада, сгрудясь, теснились у колодца —
Того колодца, что почти иссох!

И уставали слабые бороться,
И сильные сбивали слабых с ног,

Вылизывали, что добыто в драке...
Закон безводной степи был таков!
Ведь даже легконогие сайгаки,
Случалось, гибли средь солончаков...

А человек — живой наполовину —
Упрямо совершал свой путь степной,
Жуя клубочек гривы лошадиной,
Пытаясь жажду утолить слюной...

Но смерть в степи калмыка сторожила.
И вот, себя и жизнь свою кляня,
Вскрывал он, точно собственную жилу,
Тугую жилу верного коня.

В нем сердце надрывалось, протестуя,
Его душила жгучая тоска,
Но эту кровь — горячую, густую —
Он все же пил сквозь стебель
тростника...

Так жил калмык, измученный, суровый,
Ожесточенный горем «друг степей»,
Так шел через простор солончаковый
Безрадостной истории своей.

И лишь теперь, в глухой степи безводной.
Впервые жизнь благословил свою,
Увидев благодатную струю
Воды, воды лепечущей, холодной...

4

Кто помнит госпитальную палату,
Тот видел сам, как проступают вновь
Живые краски на лице солдата,
Когда ему вливают в жилы кровь...

На бледных скулах розовеет кожа,
Глаза потухшие опять блестят,
И оживает раненый солдат...

С калмыцкой степью приключилось
то же.

Не сосчитать волшебных перемен!
Земля за лето нагуляла тело.
Зазеленела и зашелестела
Травую шелковистой — до колен...

Люцерна, клевер, все степные травы
Благоуханным соком налились,
И — погляди! — осенняя отава,
Как вешнее растение, рвется ввысь!

А рядом с ней, как гвоздик, в землю
вбитый,
Под ветром не сгибается курай...
Живые силы в степь отныне влиты.
Преобразился наш калмыцкий край!..

Обильным обернулась урожаем
Вода живая на степной земле!
Она белеет пышным караваем
Перед колхозниками на столе.

Перелетев через леса и реки,
Она расхаживает по Москве,

Одеждой став на мудром человеке,
Став шапкой у него на голове!..

Красавиц наших одеваает тканью,
Детишек молоком поит она —
Вода живая, та, что нам дана
Рекою щедрой — русской Кубанью!

Вода бежит, звеня неустержимо,
Вода поет, в грядущее стремясь,
О том, что навсегда нерасторжима,
Ненарушима дружбы нашей связь...

5

Всю жажду предков наших утоля,
Очнулась ты, калмыцкая земля,
Преображаешься мало-помалу!..
Исчезла вековечная тоска...
Но вижу — протянулась вдоль канала
Желтеющая насыпь из песка...
И вспоминаю с затаенной грустью
Все то, что видел много лет назад:

Траншеи, рвы... Песчаный желтый
бруствер.
И губы пересохшие солдат...

Друзья мои! Ценой каких усилий
Вы отстояли наше торжество?
Вы наше счастье кровью окупили,
Вы жизнью заплатили за него.

Мы о погибших забывать не вправе!..
И, слушая журчание струи,
Я о бессмертье думаю, о славе,
О вас, друзья-товарищи мои!..

Струится шумно и блестит канал.
И сквозь журчание и переливы
Я слышу голоса: «Мы живы, живы...
Наш трудный подвиг вашим счастьем
стал».

И светлая печаль в груди теснится,
Перерастая постепенно в стих...
В напеве струй и шелесте пшеницы
Я слышу голоса друзей моих!..

Отступают нехотя пески...
Я иду по бывшему кочевью.
Предо мною — наперегонки
Домики бегут, бегут деревья...

В домиках уютно и светло.
Сразу видно — жизнь светлее стала...
Выросло нарядное село
Здесь, по обе стороны канала.

И повсюду — нового следы,
Даже в музыке необычайной:
В хлопотливой песенке воды,
В басовитом голосе комбайна...

А вокруг — поля во всей красе,
И, гудком меня предупреждая,
Тарахтят машины на шоссе
С добрыми дарами урожая.

Примешал залетный ветерок
Запах жита к аромату розы...

Сад вдали пестреет, как венок,
Что сплели красавицы колхоза.

И тенист и весел этот сад!
Вижу, сквозь листву на солнцепеке
Груши золотистые блестят,
Рдеют яблочк розовые щски...

А за виноградником — взгляни! —
Где шумел ковыль сухой и дикий,
Зеленеет стебель «эрдени»¹,
Как зовут ее у нас калмыки...

Если влаги наглотаться власьть,
То початок полный не обуза!..
Горделиво к небу вознеслась
Драгоценность наша — кукуруза!

Стебли кверху подняла она,
Как ручонки поднимают дети,

¹ Э р д е н и — драгоценность. Так в Калмыкии называют кукурузу.

И стоит красуется, стройна,
В изумрудном шелковом бешмете!..

Узкою тропинкою напрямик
Тихо спускалось вниз...
Что там в долине шумит?.. Тростник?
Рис шумит!
Рис!

В годы, что спинули, в бездну канув,
Нам говорили так:
«Рис — это пища богов, бурханов,
Это — небесный знак».

Знали: вовок не взрастить калмыкам
Рисового зерна.
Рис — к изобилию воды привык он.
Влага рису нужна.

Рис!.. Не на пире, не в день священный
Наши пути сошлись!
Вот ты стоишь в воде по колена
В нашей степи, рис!

Радуйтесь, люди!.. В степи — рис!
Хадрис!
Рис шумит!

7

Великая не кончена работа.
Вода в степи свежа и холодна.
Как спутник в космос, пущена она,
И спутникам подобным нету счета!..

Они плывут, как звезды в вышине,
Они живут в обычном нашем дне
И в каждом уголке родного края...
В земные недра и глубины вод
Их партия во имя счастья шлет,
Пределы нашей жизни раздвигая!

Они — в мерцанье утренней зари...
Недаром ленинцы-богатыри
Преобразили весь миропорядок!

Сверкают в небе радости цветы,
Огнистых радуг высятся мосты,
И мы живем под сенью этих радуг!

1958

ПЕСНЬ ЧУДЕСНОЙ ПТИЦЫ

(Сказка)

В давнее время в одной из стран
Жил, истомясь от безделья, Хан.

Днем он ослушников тайных казнил,
Вечером правил свое торжество.
Не помогало ему ничего.
Был Солнцеликому свет не мил:
Черная скука терзала его.

И во дворец созывает Хан
Лучших нойонов земли своей.

Смотрит на них и зеваает Хан...
«Скуку прогнать помогите живей!

Если не сможете — тотчас казню.
Если поможете — повременю»,—
Вымолвил Хан, продолжая зевать...

В страхе дрожит присмирившая знать,

Тут выходит вперед нойон.
Как верблюд, горбат тот нойон.
Точно шар, его череп гол.
Борода подметает пол.

Как помотришь, так вовсе плох
Этот сухопарый нойон.
Но пройдохую из пройдох,
Говорят, был старый нойон.

Перед Ханом склонясь во прах,
Он в коротких сказал словах:

«Солнцеподобный светоч земли!
Речи беззлойной старца внемли!

Мой слуга, безымянный пес,
Ревностно выполнив мой наказ,
Землю пройдя девяносто раз,
Птицу чудесную мне привез.

Птица не пестрым славна пером —
Песен мерцающим серебром.
Стоит запеть ей — и вмиг тогда
Скука твоя уйдет без следа.

Я пред слугой не остался в долгу:
Чтоб неразумный не мог достать
Птицу вторую — моей под стать, —
Я обезглавить велел слугу.

Я глуховат и отменно стар.
Хан мой! Прими драгоценный дар!
Птица — твоя!» — прохришел попойон.
И, как змея, отползает он.

Серая Птица, скромна и мала,
Хану доставлена тут же была.

* * *

И впрямь красотою она не блестит,
Но Хан не спускает внимательных глаз
С невзрачной пичуги, печальной на вид.
И тотчас диктует высокий указ.

К Визирю высокий указ обращен,
Визирю над Птицей надзор поручен.

«Певунья, что скуку прогонит мою,
Пускай да пребудет у нас, как в раю.
Когда ж не создашь ты означенный рай
Для Птицы моей среброгорлой, то знай...»

Что дальше — понятно Визирю без слов.
Бледнеет Визирь и зовет мастеров.

Построили Птице дворец золотой
С решеткою частой, искусно витой.

Из пуха — лебяжье ложе ее.
Прощупано стражей ложе ее.

Заморские яства, имбирь и шафран —
Еду, что не часто вкушает и Хан,—

На плавных верблюдах для Птицы везут
И Птице на блюдах хрустальных несут.

А Хану не спится. Он встал на заре —
Послушать, как Птица поет на дворе.

С рассвета он думает только о ней...
Сапожки сафьянные, крови красней,

Он на босу ногу надел сгоряча.
И шуба соболя спадает с плеча...

На Птицу взирая, он думает так:
«Проклятая скука попала впросак:

Рассеется скука, чуть песнь зазвучит!..»
Но Птица — ни звука. Но Птица —
молчит.

Назавтра Высокостепенный опять
Торопится Птицу свою увидеть,
И, на босу ногу сапожки надев,
Смирняя тревогу и ханский свой гнев,
Спешит он, в надежде, что песнь
зазвучит,
Но Птица, как прежде, молчит и молчит.

Не спит Солнцеликий, не ест и не пьет:
«Что ж Птица моя до сих пор не поет?»

Дворец ли ей тесен? Иль Птица больна?..
А может, для песен нужна тишина?!»

Он кличет Визиря, решенно рад...
«Единственный в мире, ты знаешь мой
сад.

Садов драгоценней нет в ханстве моем,
Не сыщешь растений, чтоб не было в нем!

Он — в розовых звездах, в блистании роз.
В нем полнится воздух дыханием роз.

Прохлада струится. Фонтаны журчат...
Немедленно Птицу отправьте в мой
сад!»

Отправлена Птица со всей быстротой.
В бесценном саду ее дом золотой
Стоит меж ветвями, курится над ней
Зеленое пламя душистых ветвей.

Тюльпаны глядятся, как девушки, в пруд.
Фонтаны клубятся, и розы цветут,

А воздух пьянит, как хмельная арза...
Но Птица уныло прикрыла глаза,
У Птицы по-прежнему горестный вид,
Нахохлилась Птица, на свет не глядит.

Встревоженный Хан рассылает гонцов.
Зовет он кудесников и мудрецов —
Немедленно птичий недуг изучить
И с помощью хитрых наук излечить!

Иначе...

Спешат мудрецы чередой,
Одна борода — за другой бородой.

И за старичком старичок
Над покорной Птицей мудрят,
В горло заглянуть норовят,
Измеряют ей язычок...

«Да! — вскричала одна Борода.—
Из-за горла пришла беда!
От простуды Птица больна.
Потому не поет она».

«Нет! — другая кричит Борода. —
От желудка пришла беда!
Из-за пищи Птица больна.
Потому не поет она».

«Да ничем она не больна!
Не певала сроду она.
Ведь нойон, говорят, хитрец!» —
Самый старый шепнул мудрец.

Семью семь — сорок девять дней
Совещались старцы о ней,
Но к согласию не пришли
Мудрецы всей ханской земли.

Хан глазами сверкнул на них,
Но Визирь — почтительно-тих —
Как лиса подошел к нему,
Еле слышно что-то шепнул...
Хан в ответ головой кивнул
И промолвил: «Быть по сему!»

И тотчас же в ханский дворец
Приведен был Скорбный Мудрец.

Склоняясь пред Ханом, Мудрец
произнес:
«Ты хочешь услышать, как Птица поет?..
Тогда поезжай все вперед и вперед,
Вози свою Птицу из края в край.
Да только почаще места меняй!
Тотчас приготовиться в путь соизволь,
Вели оседлать своего жеребца!»

И внял повелитель словам Мудреца,
Вкушавшего долгих страданий соль,
Узнавшего муку и горькую боль.

Рукой не успел повелитель взмахнуть,
А слуги его уж собрали в путь.
Пригнали овец, круторогий скот,
Затем, что далекий их ждал поход.

И вот на рассвете идет караван:
Покинув покой своей бумбулвы,
На рыжем коне восседает Хан,
На черном понурясь сидит Мудрец,
А слуги, не смея поднять головы,

Несут на шестах золотой дворец
Пичуги — печальнейшей из пичуг.
Бряцает оружием охрана вокруг,

* * *

И не день, не два и не три —
Много лет протекло в пути.
Пробуждался Хан до зари
И приказывал вновь идти.

Он менял и менял места,
И меняла над ним цвета
Неоглядная высота,
Неохватная ширь небес...

Столько он повидал чудес,
Сколько отроду не встречал
В бумбулве, где он так сучал!

Он узнал, что значит мороз,
Дождь хлестал жестокий его,
От ветров и весенних гроз
Побурели щеки его.
Жег его беспощадный зной.

Над отвесною крутизной,
Средь покрытых снегами гор,
Где летал лишь орел один,
И среди бескрайних равнин
Разбивали Хану шатер.

Но, в полях и в глухом бору,
Ранним утром и ввечеру
И вкушая недолгий сон,
Хан в раздумия погружен:
«Что у Птицы печальный вид?
Почему певунья молчит?..

Иль всему виною нойон?..
Замышляя дурное, нойон,
В день, когда мне Птицу дарил,
Он, должно быть, со мной хитрил.
Он решил захватить мой трон.
С Мудрецом столкнулся он,
Чтоб вдвоем меня обмануть
И отправить в далекий путь...»

Хан велит Мудрецу прийти.
«Столько лет мы уже в пути!

Добрались к началу начал
Сквозь красивейшие края...
Где же то, что ты обещал?
Что же Птица молчит моя?..
Ты, презренный, посмел солгать?
Нынче ж всех обращаю я вспять.
Слову Хана не изменю:
Как приедем, тебя казню
За коварнейший твой обман!..»
И ногами затопал Хан.

Но спокойно сказал Мудрец:
«Смерть — страданий наших венец,
Горе — мне опора и щит.
Это правда — Птица молчит.
Но прошли мы не все края...
И — взгляни! — где скука твоя?!

От ладьи не найти следа
На зеркальной воде пруда.
След крыла на глади небес —
Не найти его, — он исчез!
Черной скуки растаял след,
Скуки больше с тобою нет.

Ты обрел себе дело, Хан,
И тобой овладела, Хан,
Та святейшая из забот,
Что людей по земле ведет,
Все вперед и вперед маня...
Если станешь слушать меня,
Не вернется скука и впредь.
Птица ж все-таки будет петь!»

Хан с ответом не поспешил,
Он ресницы свои смежил
И на скуку взглянуть решил:
Неприметной скука была.

Пожелал он увидеть цвет
Скуки, бывшей с ним столько лет.
Но бесцветной скука была.

Слышать скуку он захотел, —
Бессловесной скука была.
Мыслей окуки познать предел, —
Глупой, пресной скука была.

Прочь она от Хана ушла.

Не найти от ладьи следа
На зеркальной воде пруда.
След крыла на глади небес —
Не найти его! — он исчез.

Так же скуки растаял след.
Больше скуки у Хана нет.

Подивился великий Хан
И сказал Мудрецу в ответ,
Прежний гнев сумев превозмочь:
«Хорошо. Мы продолжим путь...»

И пошли они сквозь туман.
И когда наступила ночь,
Хан взошел под своды шатра,
Чтоб на ложе своем вздремнуть.

Но болотная мошкара
И зловредное комарье
Обрели там себе жильё.
Жалят Хана, звенят, жужжат,
Нос у Хана распух и рот.

Да к тому ж от гнилых болот
Поднимался тяжелый смрад,
В ноздри лез, точно едкий дым,
Хоть шатер и не был худым.

Места Хан себе не найдет,
Повелителя донял гнус.
«Нет, в проклятом этом краю
Я — последнюю ночь, клянусь!
Завтра утром приказ даю,
И домой направимся мы».
Так средь душной, гудящей тьмы
Сам себя утешает Хан.
Возвратиться решает Хан.

Но когда заалел восток,
Страж, который Птицу стерег,
Не поверил глазам своим,
Та ли Птица здесь, перед ним?

Птица странно себя ведет:
Огляделась кругом она,
Точно чем-то поражена,

Замахала серым крылом,
Будто в дальний стремясь полет,
Прочь из клетки куда-нибудь..
Стала клювиком чистить грудь,
Поточила клювик, потом
Пролетела наискосок,
На решетку села... И вдруг
Прозвенел серебристый звук:
Птица пробует голосок!

К повелителю страж бежит:
«Хан великий да поспешит,
Чтоб немедля к Птице поспеть...
Птица, кажется, хочет петь!»

Между тем все светлел восход,
И яснее стала видна
Та земля посреди болот:
И бедна она и скудна,
Лишена она красоты.
Кое-где чернеют кусты,
Да желтеют издалека,
Точно волны, горы песка.

На пески и не глянул Хан.
С ложа тотчас воспрянул Хан,
И домчался он до шатра,
Где грустила Птица вчера
В золоченом своем дому...
Правду страж доложил ему:
Птица серая ожила,
И подвижна и весела.

Устремляется в высоту,
Презирая прутья, она.
Ударяется на лету
О решетку грудью она.
Видно, тем, кто на воле рос,
В золотой тюрьме — не житье!
Глазки черненькие ее
Вновь как будто в тумане слез.

Но, опять на жердочку сев,
Все ж она завела напев.

Песнь волшебная полилась,
Вместе с солнцем она росла.

В ней — любви целебная власть,
В ней — всему живому хвала:

И земле, что еще во сне,
И звезде, что сейчас уйдет,
И высокой голубизне,
И безмолвью гнилых болот.

Всем сыпучим пескам сухим,
Всем горячим слезам людским
Эта песнь утешенье шлет!

В песне — радости торжество.
Внемлет Хан с волненьем в крови
Сердце каменное его
Растопили волны любви.

К серокрылой Птице в шатер
Прилетела стая сестер,
И неслыханный птичий хор
До песчаных донесся гор.
Люди слушали не дыша
Эту песнь, влекущую ввысь.

Просветлела мира душа,
Точно все желанья сбылись,
Точно все забили ключи —
Тот, что древен, и тот, что юн...
Натянула земля лучи,
Словно сотни звенящих струн,
И пескам и кустам нагим
Заиграла на струнах гимн.

И, очнувшись от немоты,
Вместе с ней запели кусты.
Пробудившись от злой тоски,
Вместе с ней запели пески.
Выси неба, глубни земли
Звуки счастья в себе нашли
И запели с Птицею в лад...

Над равниною песнь плыла,
Трепетала, к небу летя.
И казалось всем, говорят,
Будто родина обрела
Потерявшееся дитя
И ликующий небосвод
Милосердью хвалу поет...

Прослезившись, Хан произнес:
«Ты мне правду сказал, Мудрец!
Но, прошу тебя, под конец
На последний ответь вопрос:
Это сладостное тепло,
Не имеющее границ,—
Как вместиться оно могло
В сердце крохотнейшей из птиц?
Почему, грустя до сих пор
Меж красивых лесов и гор,
Вдруг она разомкнула клюв,
Столь дурную землю хваля?..»

И ответил Мудрец, вздохнув:
«Здесь — ее родная земля.
Знает родина волшебство,
С ней младенец — и тот батыр,
Счастье в малом сердце его
Затопило бы целый мир!
Тот силен, кто нашел свой дом
И свободу обрел притом!»

«Ты свободен! — воскликнул Хан,
Новой радостью обуян. —

Собирайся домой, Мудрец!
Да открой золотой дворец!..
Вижу, лучшая из темниц
Не годится для певчих птиц,
И свободу Птице даю!..
Да летит она в вышину,
Прославляя волю свою
И родную свою страну!»

1961

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Давид Кугультинов. О себе</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Жизнь и размышления

Перевод Ю. Нейман

«Метель беснуется... Беда, беда!..» . . .	17
«Дайте, дайте первую удачу!..» . . .	18
«Разъяренного ветра порыв...» . . .	19
«Мать-Родина!.. Так люди называли...»	20
«Вам все простится, кроме превосходства...»	21
«В моем шкафу теснится к тому том...»	22

«Так пишут иные о смерти поэта...»	23
«Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!...»	24
«Похвалите меня, друзья!...»	25
«Почитателей Гамзата я встречал у нас везде...»	26
«С утра поливал я деревья в саду...»	28
«Бейте, люди, пестрых волков!...»	29
«Что жизнь покажет, открывая двери...»	30
«Одолеевая труд высокий...»	31
«Не как теленку-сосунку...»	32
«Проходят дни, зовут меня вперед...»	33
«Когда давно желанные слова...»	34
«Я верю: клетки сердца не умрут...»	35
«Как бывала радость горяча...»	36
«Перешагнув жестокости предел...»	37
«Когда на юге в день апреля...»	38
«Как раз в те дни, когда струистый дым похвал...»	39
«Люблю его!» — она сказала вслух...»	41
«В Норильске, где холод и выюга...»	42
«Неделю средь песков блуждая даром...»	43
«Приснились джунгли нынче мне во сне...»	45
«Прошу, друзья, не истолкуйте вкось...»	46
«Кто хочет обойтись в работе...»	47

«Если вновь заведешь ты рассказ...»	48
«Когда свершивший славные дела...»	49
«Три вида сплетников известны мне...»	50
«У стариков калмыков есть проклятье...»	51
«А я любил поэзию твою!..»	52
«Все не пойму — хитрец ты или нет?..»	53
«Да», «нет» — два этих слова-острия...»	54
«Просят друзья: «Скажи нам йорел!..»	55
«Пока не кончена строка...»	56
«Жизны! Сурово душу проверяя...»	57

Все годы

Девушка-джангрчи. <i>Перевод Я. Козловского</i>	58
Мой знакомец. <i>Перевод М. Шехтера</i>	61
Песнь осеннего ветра. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	63
«Уже зимы холодной покрывало...» <i>Перевод П. Карпа</i>	66
Над колыбелью мальчика. <i>Перевод А. Голембы</i>	68
Ночью в окопе. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	73

Высота. Перевод Вл. Луговского . . .	75
Зов родного края. Перевод Ю. Вронского	77
«Ты счастье мне пророчишь взглядом...» Перевод Н. Матвеевой .	79
«Печь пожарче разожги...» Перевод Я. Козловского	80
Лето в Норильске. Перевод Ю. Вронского	81
Непогода. Перевод А. Голембы . . .	82
Очищение. Перевод Ю. Нейман . . .	84
В Оружейной палате. Перевод Вл. Луговского	87
Голос Москвы. Перевод С. Липкина	89
Награда. Перевод Ю. Вронского . .	92
«Аркадий Райкин в миг один на сцене...» Перевод Ю. Даниэля	93
Поэт. Перевод С. Липкина	94
На поле. Перевод С. Липкина	96
Лицо старого друга. Перевод Ю. Вронского	97
Точная трасса. Перевод С. Липкина	100
Счастье. Перевод А. Голембы	102
Солнце в Заполярье. Перевод Н. Матвеевой	104
«Я помню прошлое...» Перевод Н. Матвеевой	106
«В аллее парковой не мог...» Перевод А. Николаева	107
Хадрис! Перевод С. Липкина	108

Алмазы Африки. Перевод Я. Козловского	111
В Эссентуках. Перевод И. Френкеля	113
Баран. Перевод А. Голембы	115
Игра в шахматы. Перевод Ю. Даниэля	116
На смерть друга. Перевод Н. Матвеевой	118
Возвращение Ботяна на родную землю. Перевод М. Светлова	122
«Приму ли ошибку за истину...» Перевод Н. Матвеевой	125
Время и желание. Перевод Я. Козловского	127
Красота добра. Перевод Ю. Даниэля	129
День моего рождения. Перевод Я. Козловского	131
«На то, что, миновавши, стало сном...» Перевод Ю. Даниэля	133
Желание. Перевод А. Голембы	134
Аршан-Зельмен. Перевод Я. Козловского	136
Труд. Перевод Э. Иодковского	138
Бахчисарай. Перевод С. Липкина	141
Мысль. Перевод Н. Матвеевой	143
Орден Босхомджи. Перевод Н. Матвеевой	144

Танец Ситары. Перевод А. Голембы	146
Новая весна. Перевод С. Липкина	151
«Когда иссякнут сил моих остатки...». Перевод Н. Матвеевой	154
«Небо синее внезапно почернело...» Перевод Н. Матвеевой	157
«Размышленьями полон пустыни...» Перевод К. Алтайского	158
Девушке-фотокорреспонденту. Перевод В. Гнеушева	159
«Мне нынче друг во сне явился снова...» Перевод Н. Матвеевой	162
«Фанерными щитами прикрываясь...» Перевод Н. Матвеевой	163
Скончался мой друг. Перевод Н. Матвеевой	165
Слово к человеческому Слову. Перевод Ю. Нейман	166
Скульптор. Перевод Ю. Нейман	168
Казань. Перевод С. Липкина	172
«Никто не помнит...» Перевод Ю. Нейман	176
«Чтоб ложь пронзить, искал я острый стих...» Перевод Ю. Нейман	178
«Поэту, широко известному повсюду...» Перевод Ю. Нейман	179

Зерно. Перевод Д. Долинского и А. Стрелкова	180
От правды я не отрекался. Перевод Ю. Нейман	182
Двустышья	
1—19. Перевод Я. Козловского . .	190
20—32. Перевод Ю. Даниэля . .	194

ПОЭМЫ

Живая вода. Перевод Ю. Нейман .	201
Песнь чудесной птицы (Сказка). Пе- ревод Ю. Нейман	217

Давид Никитич Кугультинов
СТИХИ

Редактор А. Кафанов
Технический редактор Э. Евдокимова
Художественный редактор Г. Кудрявцев
Корректор А. Холмогорова

Сдано в набор 12/IX 1964 г. Подписано
к печати 17/XII 1964 г. А08472. Бума-
га 84×108¹/₆₄. 3,88 печ. л. 6,36 усл.-печ. л.
4,85+1 вкл.—4,90 уч.-пзд. л. Ти-
раж 7000. Зак. № 546. Цена 38 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати
Москва, 1-я Рижский пер., 2.

